

Сергей МЕЛЬНИКОВ

ЖИДКАЯ ЖИЗНЬ СУБЛЕЙТЕНАНТА ЗАМФИРА

Часть II¹

Сватовство Замфира

Поздно вечером вернулся Маковей. Под полной луной, на привычном пригорке, ждал очередной эшелон Замфир, закутанный в его тулуп. Без лишнего шума Сырбу проковылял к крыльцу и аккуратно прикрыл дверь.

В Чадыр-Лунге знакомый врач извлёк из ноги пулю. Холщовый мешочек с ней и врачебное заключение Маковей спрятал под половицу в спальне. Ещё тысяча леев из его скромных денежных запасов перекочевала в карман доктора, и пулевое ранение не попало в регистрационную книгу.

«Дорого ты мне обходишься, зятёк!» — пробурчал он себе под нос.

Боль ожгла огнём ногу. Едва сдержав стон, Маковей поднялся и вошёл в кухню. Амалия перекладывала в большую глиняную миску свежее испечённые плачинты.

— Как рана, Макушор? — с беспокойством спросила она.

— Не смертельная, как видишь. Полиция ничего не узнает, не беспокойся.

— Слава Богу! — Амалия перекрестилась.

— Я смотрю, благополучие зятя тебя беспокоит больше, чем моё здоровье?

— Не говори глупостей! Иди мой руки. Сейчас пройдёт поезд, и сядем ужинать. У отца Софрония был?

— Был... — Маковей загрустил. За ускоренный переход в другую конфессию пришлось сунуть в карман поповской рясы в пять раз больше, чем за сокрытие пулевого ранения от жандармов. В то, что это щедрое пожертвование учтут на небесах, Сырбу не верилось, как и в то, что его деньги пойдут на благо церкви. — В воскресенье венчание. Завтра с молодыми поезжай в Чадыр-Лунгу. Платье и костюм возьми напрокат в свадебном салоне Пихлера, я уже договорился. Рядом ювелирный магазин. Я присмотрел там тонкие колечки, самые дешёвые.

— Маковей, это свадьба твоей дочери!

— Нет у меня уже денег на побрякушки! Кончились! — огрызнулся Сырбу. — В наследство вступят — справят себе посolidнее. Да и фамильных драгоценностей у Замфириков, небось, хоть закусывай ими. Кстати, о закуске...

Он достал из буфета штоф со своей настойкой.

— Маковей! — одёрнула его Амалия.

Он цыкнул на жену и достал глиняную кружку. Осторожно, прикрыв её спиной от взгляда Амалии, он влил немного жидкости из флакончика и быстро спрятал его обратно в карман, потом долил ракии до половины.

¹ Часть I опубликована в №14 «Невского проспекта».

— Виорика! — крикнул он. В кухню забежала дочка, счастливая и от того ещё более красивая. Маковей сунул ей в руки кружку и плачинту, завернутую в промасленную бумагу. — Жених твой совсем задрог, а поезд задерживается. Отнеси ему, пусть согрется. Сама не пей! — он показал ей кулак. — Унюхаю — под замком до венчания сидеть будешь!

— Очень надо, — ядовито ответила Виорика. — Поженимся — буду шампанское каждый день пить, а не твою самогонку.

Она упорхнула, а Маковей покачал головой:

— Ишь ты — шампанское, да каждый день! Запросы у доченьки... На такую и трёх Замфиров мало будет.

— Что-то больно ты заботливый... — посмотрела на него с подозрением Амалия.

— Да куда уж теперь денешься? — притворно вздохнул Маковей.

Вскоре вернулись будущие молодожёны. Виорика подошла к отцу и театрально выдохнула ему в лицо, потом упала на стул. Замфир с блестящими глазами сел рядом, на пристойном расстоянии от невесты. Амалия заглянула ему в лицо.

— Господин офицер, вы не заболели? У вас глаза слезятся.

— Нет, уверяю вас, госпожа Амалия, никогда не чувствовал себя лучше, — ответил он, широко улыбаясь. Нервные его пальцы, подрагивая, складывали салфетку в мелкий рубчик. — Господин Сырбу, может, нам, ввиду скорого родства, выпить по стаканчику вашей восхитительной настойки? Очень уж морозно сегодня.

— Ну нет уж, господин сублейтенант, хватит с вас и полстакана. Муж-пьяница — горе в семье. Ешьте плачинты. Амалия, подлей зятючку молочка, а то что-то он сегодня раздухарился.

Замфир и впрямь чувствовал себя странно. Все тревоги и опасения этого дня ушли бесследно. Тело, сведённое бесконечным беспокойством, расслабилось. Виорика, его милая Виорица, сидела рядом — такая близкая, такая красивая. Она счастливо улыбалась, её счастье наполняло Замфира, как жидкое мыло наполняет флакон. Флакон тёмного стекла, который где-то спрятал Маковей.

Замфир перевёл взгляд на своего будущего тестя.

Маковей, могущественный цыганский шувано. Права была гувернантка, во всём права. Цыганское проклятие — сильное. Ничто его не переборет. Утащит цыган тебя, Василёкэ, в свой табор, отпилит ноги, и будешь ты до конца жизни милостыню просить да в его кубышку денежки складывать.

Он нахмурился, но ненадолго. Маковей поймал его взгляд и подмигнул. Замфир тоже подмигнул, но двумя глазами сразу. Это его развеселило. Он попробовал подмигнуть одним глазом, но не вышло. Амалия с тревогой посмотрела на сублейтенанта, потом вопросительно глянула на мужа, но тот сделал вид, что не заметил её немого вопроса.

Маковей — его тесть, отец его невесты, он не причинит вреда. Наоборот, будет защищать их семью, их маленьких детишек. Может, даже хорошо, что он шувано. А жизнь Замфира он обещал им подарить на годовщину свадьбы, если Василёкэ сделает Виорику счастливой. Она ведь счастливая?

Виорика была счастлива. Радость от этой мысли мягким шёлком струилась по коже, проникала в мышцы, разливалась по венам, омывала глазные яблоки тёплыми слезами. От чистой и честной этой радости ему было тепло и спокойно.

— Что-то господина сублейтенанта разморило в тепле, — сказал Маковей. — Идите спать, на завтра у вас много дел.

Заботливый голос тестя был тёплым, его слова, как тёплые, пушистые меховые шарики доброты, уютно ложились в ладонь. Замфир встал, его повело в сторону. Рукой он нащупал край стола и ухватился за эту опору.

— Вам помочь? — спросил Маковей.

— Нет-нет, благодарю, я сам.

Замфир нетвёрдой походкой побрёл в спальню. В правой руке, стиснутой в кулак, было тепло и щекотно. Он сжимал редчайшую ценность, которой во всём свете не сыщешь — Маковееву заботу. Упустит и останется вновь один на один с Маковеевой ненавистью. Это было странно и глупо, как во сне. Теперь Замфир спит и наяву, но он не против, если сны будут такими же хорошими и добрыми.

Амалия проводила взглядом шатающегося сублейтенанта и уснула дочь спать. Когда они остались одни, Амалия склонилась над Маковеем.

— С полстакана ракии на морозе? — спросила она, тревожно вглядываясь в чёрные глаза мужа.

— Слабак! — презрительно пожал он плечами, не глядя на жену.

— Маковей!

— Малица, меньше знаешь — крепче спишь!

— Он жених нашей дочери! — зло зашептала она ему в ухо.

— Счастье-то какое Виорике привалило! — процедил Маковей. — Не лезь,

женщина! Я знаю, что делаю!

Амалия зло швырнула полотенце на стол и ушла в спальню. Маковей ещё долго сидел за столом, глядя на сложенную гармошкой бумажку. Он ждал, пока Амалия уснёт, разговаривать с ней не хотелось.

* * *

Замфир не помнил, что ему снилось. Может, снов не было вовсе, а только чернота, как под наколоченной гробовой крышкой. Он открыл глаза и сразу пожалел об этом. Яркое солнце ударило в зрачки. За ночь Василе высох: воздух царапал горло, глазные яблоки стали шершавыми, ноги и руки казались погружёнными в горячий песок. Шатаясь, он вышел на пустую кухню и пил воду из бадьи, ковш за ковшом, до рези в животе. Вернулся к себе и долго смотрел в зеркало на бледное лицо с синяками под впавшими глазами.

Настойка Сырбу была хороша. Она быстро снимала напряжение, страхи уходили куда-то далеко-далеко, жизнь казалась прекрасной, будущее — светлым, окружающие — милыми и любящими. Один изъян — тяжёлое утреннее похмелье. Замфир попытался вспомнить, сколько он выпил, кроме того что принесла ему Виорика, но не смог. Зато хорошо помнил, откуда Маковей доставал штоф.

Василе вернулся на кухню. На дворе стояла телега, запряжённая гнедым першероном. Амалия пристёгивала торбу с овсом, Виорика умасливала сумки под поперечную скамью. Засвистел паровозный гудок, появился эшелон и сбросил перед подъёмом скорость. Василе охватила паника. Он приник к стеклу, чтобы на память сосчитать проходящие вагоны, и заметил грузную фигуру Маковея в тулупе. Он стоял на пригорке, на его посту, с его планшетом.

Стекло было холодным и липким, льдистые лучи солнца не давали ни капли тепла. Иней на бурой траве переливался на солнце и больно колот глаза. Дрожащей рукой Василе достал штоф из буфета. Он налил себе на палец и поднёс кружку к губам. В слабом сивушном запахе угадывался грецкий орех, но никакими приправами она не пахла. Замфир одним махом влил в себя самогон. Он сразу встал поперёк горла.

Как был, полуголый, зажав ладонью рот, он вылетел из дома, промчался мимо изумлённых женщин к отхожему месту. Не добежал и выплескал содержимое желудка в голые кусты. Он давился, выплёвывая желчь, кашлял и брызгал слезами. Нежные руки набросили на его голую спину китель.

— Василекэ, любимый, тебе плохо?

Виорика гладила его плечи. Замфир стоял на четвереньках, запустив пальцы в промёрзшую, жухлую траву, и боялся поднять взгляд на свою невесту. За спиной хлопнула дверь, хлопнула снова, сильнее, со злым треском.

— Пьянь женишок твой! — зло крикнул Маковей Виорике, потрясая открытым штофом. — Только встал — сразу за выпивкой.

— А ты не наливай! — напустилась на него Амалия. — Сам мальчика спаиваешь, потом возмущаешься!

— Мальчик! Он моего разрешения уже не спрашивает! От своего вора не защитишься! — огрызнулся Маковей и скрылся в доме.

— Любимый! — Виорика помогла Василе встать на ноги. — Пообещай, что больше не будешь пить отцовскую ракию, прошу тебя.

— Капли в рот не возьму! — искренне поклялся Замфир.

Он тяжело дышал и держался за живот. Лоб, несмотря на холод, был мокрым от пота.

— Тебе лучше? Нам надо ехать в Чадыр-Лунгу за платьем и кольцами. Сможешь?

— Конечно, — кивнул Замфир. — Сейчас умоюсь и буду в порядке.

Он зябко стянул полы куцого кителя и, пошатываясь, побрёл к умывальнику. Виорика с жалостью посмотрела на него и вернулась к телеге.

У умывальника Замфир вспомнил, что говорил Маковей, и открыл тумбу под раковиной. На верхней полке стоял флакон с его жидким мылом. Оставалось в нём меньше четверти. Василе выдернул притёртую пробку и принюхался. Сомнений не было: тесть сказал правду. Замфир поставил флакон на край и взял серый обмылок. Пока мылился, думал, куда можно спрятать свою бесценную, как жизнь, бутылку, и в голову не приходило ничего. Снова затоснило и повело, он вцепился пальцами в край раковины — ноги не держали. Василе охватила апатия — шувано не забрал флакон до сих пор, значит, и после не заберёт. Пусть стоит, к чему гневить цыгана?

Холодное обтирание не прибавило бодрости. Тело было ватным, онемевшим и совершенно обескровленным. Внизу, под ногами, валялась колода, с помощью которой он всего несколько дней назад делал упражнения. Василе нагнулся и ухватил её за сучковатые бока. Потянул вверх, и сразу болью ожгло мышцы рук. Сил в нём оставалось только на нетвёрдые шаги. Он оставил в покое неподъёмный обрубок и

побрёл одеваться.

В Чадыр-Лунге он бессловесной тенью ходил за женщинами. В свадебном салоне Пихлера угодливый приказчик выносил жениху костюмы, и на каждый Замфир кивал, а приказчик томно закатывал глазки. Амалия не выдержала и ткнула пальцем в лоснящийся голубой костюм с атласным цилиндром цвета майского неба.

В тесной примерочной приказчик помог ему переоблачиться, подобострастно шепча о невероятной гибкости и мужской стати Василе. Он крутился вокруг Замфира в тесноте, в плотном облаке парфюма, которое душило не хуже хлора. Бесконечно вскидывая женственные ручки, он бормотал: «О мон дьё, кель бель ом! Адонис!» Пронюс приказчика был немногим лучше сабуровского рычания. У Замфира кружилась голова. От прикосновений липких пальчиков он вздрагивал и вжимался в стену. Наконец, мучитель водрузил ему на голову цилиндр и вытолкнул в зал.

— Ле шик паризьен! — провозгласил приказчик голосом циркового шпрыхшталмейстера и развернул Замфира к ростовому зеркалу. Амалия в восхищении всплеснула руками. Не вернись в этот момент Виорика с коробочкой пирожных, пошёл бы Василе под венец в этой сияющей лазурью пошлости. Невеста взяла всё в свои руки. Быстро перебрав варианты, указала на солидные серые брюки и чёрный фрак с длинными фалдами.

Пришла очередь Виорика примерять свадебное платье. Замфира услали. В кофейне напротив он равнодушно мешал давно растворившийся сахар в кофейной чашке. Однообразные механические движения его успокаивали. Василе смотрел в пустую стену. Все его мысли сейчас крутились вокруг приезда родителей, его объяснения с ними, их реакции на неожиданных родственников.

Он не знал, как объяснить спешку, венчание не в католической церкви, странный, с точки зрения бухарестского общества, выбор. От безысходности в носу начинало свербить. За миг до того, как слёзы брызнут из глаз, рождалась надежда, что Маковой его выручит, и водоворот его невесёлых мыслей уходил на следующий круг: через бездну отчаяния к надежде на то, что всё решится без него. Замфир горячо взмолился к Господу: пусть что-нибудь помешает родным приехать из Бухареста в Казаклию.

Он пытался вспомнить, смог ли Маковой связаться со сватами, и то ему казалось, что нет, а потом он явственно видел, как Маковой говорит, что профессор Замфир с супругой придут поездом. Но когда? Всё, что происходило накануне — плыло, пугало и размывалось.

Господин, сидевший за столиком рядом, увидел кого-то в окне и кинулся, спотыкаясь, на улицу. На столике осталась газета. Замфир потянулся к ней. На первой странице он увидел королевский дворец. По обе стороны от входа висели флаги с тевтонскими орлами. По центру стоял генерал Макензен в кивере чёрного гусара. По бокам от него и за спиной толпились германские военные в шлемах с острыми пиками. Не веря собственным глазам, он прочитал заметку. Нервно сминая газету, пролистал остальные страницы. Замфир не заметил, как сзади подошёл пожилой официант.

— Да, господин сублейтенант, до сих пор не могу поверить, что наша столица пала, — сочувственно сказал он. — Не думал, что доживу до такого позора. Германские генералы царапают паркет в королевском дворце! Что-нибудь ещё желаете? — Замфир замотал головой. Он сунул официанту скомканную купюру и кинулся к выходу. — Газету оставьте, господин сублейтенант! — крикнул ему вслед официант. — Господин Матеу за ней ещё вернётся, — не останавливаясь, Замфир бросил газету на крайний столик и выбежал на улицу. — А сдача?

Дверь за обезумевшим военным хлопнула, и официант, пожав плечами, сунул деньги в нарукавник.

Увидев влетевшего в салон жениха, Виорика взвизгнула и спряталась за ширмой.

— Василе, ты с ума сошёл? Ты не должен видеть меня в платье до свадьбы!

Василе и не видел. Перед его взором реяли имперские флаги на королевском дворце. Германские жандармы с огромными чеканными бляхами патрулировали родную Хэрестрэу под перепуганными взглядами его родителей.

— Бухарест пал? — он растерянно переводил взгляд с Амалии на оттопырившего зад приказчика, с него — на сердитую невесту, выглядывающую из-за ширмы.

Амалия со вздохом встала из кресла и подошла к нему.

— Да, Василе, да, — сказала она, впервые назвав его по имени. Крепкой и мягкой рукой она обняла его за плечи и прижала к себе.

У Замфира подкосились ноги. Последним усилием воли он удержался, а на большее Василе не хватило. Слёзы полились из глаз на вязаную кофту Амалии, и он впился зубами в кулак, чтобы не разрыдаться в голос.

— Мы все скорбим об этой невосполнимой утрате, — торжественно произнёс приказчик. — Каждый румынский патриот с того рокового дня в знак траура повязывает на рукав траурную повязку. У нас есть великолепный китайский креп,

чёрный, как горечь нашей общей потери. Не желаете взглянуть?

Никто не пожелал. Когда первый приступ схлынул, Замфир спросил срывающимся голосом:

- Почему вы мне ничего не сказали?
- Я сама только недавно узнала. Думала, Маковой тебе сказал.
- Мои родители... — всхлипнул он.

Амалию кольнула совесть, но она помнила наставления мужа и не имела ни сил, ни желания им перечить.

— С твоими родителями всё будет хорошо. Немцы же не дикари какие-нибудь. Наши монархи между собой договорятся, и всё вернётся на свои круги.

Замфир собрался. Он отстранился от уютного плеча Амалии и закинул лицо к потолку, пережидая, пока перестанут течь слёзы. Виорика сбросила свадебное платье и в привычных обносах выбежала из примерочной. Она ткнулась носом в шею Василе и растерянно прошептала:

— Я не знала!

Он погладил её голову и сказал:

- Мне надо туда.
- Куда туда?! — всплеснула руками Амалия.
- В Бухарест! — твёрдо ответил Замфир.
- И думать не смей! Ишь, чего удумал? Ты — офицер румынской армии! Для

германцев — враг. Для нашей жандармерии станешь дезертиром. Совсем обезумел?

— Я не могу бросить их там.

— Василе, любимый, а как же наша свадьба? — пролепетала Виорика.

Амалия отстранила дочь и пристально посмотрела в глаза Замфиру.

— Не знаю, как ты собираешься пробраться в оккупированную столицу через линию фронта по вражеской территории, но исход для тебя будет один — виселица, а румынская она будет или германская — никакой разницы.

Василе старался сохранить твёрдость во взгляде, но Амалия ясно видела его страх. Замфир хотел, чтобы его переубедили, он беззвучно молил об этом.

— Я тебя неволить не могу, — сказала она. — Хочешь — иди. Только сдохнуть в петле с вывалившимся языком гораздо страшнее, больнее и позорнее, чем пасть от пули на поле боя. Родителей своих ты и повидать не успеешь, раньше возьмут — не те, так другие. Какая в том доблесть — ума не приложу. Мой тебе совет, Василе, — успокойся, вернись на место службы и выполни свой долг перед королевством и моей дочерью. Война кончится — встретишься со своими родителями.

— Ваша мама права, мсье сублейтенант, — встрял приказчик. — Вам никак нельзя покидать пост. Импоッシбль! Война всё ближе, не ровен час, и до нас докатится. Вчера над городом кружился германский аэроплан. Что вынюхивал? Наши-то вояки популяли по нему из своих ружьишек, да ни разу не попали, а пушек, которые в небо стреляют, в нашем городке нет. Разнюхал бош, что ему надо, и улетел, а мы теперь живём в страхе: а ну вернётся, гранату на кого-нибудь сбросит или газ распылит... Се террибль.

— Что он мог в вашем городе вынюхивать?

— Не знаю, мсье, не знаю, да только вояки наши усилили охрану вокзала и, говорят, обещали прислать пушку... Зенитную! — наконец вспомнил он.

* * *

В ювелирную лавку Виорика вступила, как Аладдин в пещеру разбойников — робко, но с жадно горящим взглядом. Она шла вдоль застеклённого прилавка с недорогими побрякушками, ладонью сдерживая биение сердца. Нежные девичьи губы приоткрылись, как перед поцелуем, но оценить красоту восторженной молодости, кроме пожилого ювелира, было некому. Замфир на витрины даже не взглянул. Едва заметным кивком ответил на приветствие и уставился в окно.

Ювелир вполголоса, как в музее, расхваливал товар. Он обращался к Амалии и Виорике, но поглядывал не на двух бедно одетых женщин, а на спину франтоватого офицера, но тот не обращал на его слова никакого внимания.

— Простите, господин, — остановила его Амалия. — К вам заходил мой муж, Маковой Сырбу. Он сказал, что уже выбрал кольца.

Ювелир нервно дёрнул щекой и поставил на прилавок маленькую бархатную коробочку.

— Вот, извольте видеть...

В белую атласную подушку были вдавлены два тоненьких, как проволочка, обручальных кольца. Виорика разочарованно посмотрела на мать, на ювелира, молча разглядывающего потолочные балки. Золотые россыпи не для неё сверкали на атласных полях. Тихо, ничего не говоря, она отошла к жениху. Замфир обнял её за

плечи.

Он не слышал разговора, не видел колец. Мыслями он был там, где золотых орлов меняют на чёрные и где испуганно смотрят из-за занавески на чужие патрули его родители. Фронт больше не пугал его: обстрелы стали абстракцией, опасности — выдумкой газетчиков и романистов, а сам он — бесплотным, а потому неуязвимым. Жених и невеста смотрели, как за стеклом с вычурными белыми буквами ветер гонит по булыжнику скупую позёмку, но думали о разном.

Амалия с тоской посмотрела на поникшие плечи дочери и полезла за пазуху.

— Господин, посмотрите, — она развернула на прилавке тряпицу. — Если я отдам вам эти серёжки в придачу к тому, о чём вы договаривались с мужем, можно будет купить кольца получше?

На простом белом платке лежали серьги с красными камушками — большие, знакомые, неправильные. Ювелир вставил монокуляр и осмотрел одну из них. Золото было старым, высокой пробы. Камни — настоящие рубины. Он долго рассматривал клеймо под лампой.

— Русское? — уточнил он.

— Да, господин. Муж подарил на годовщину свадьбы.

— Я слышу лёгкий акцент. Вы не местные?

— Из Кишинёва...

Амалию начинал беспокоить этот разговор. Знала она их братию: жулик на жулике. Положил серёжку перед собой, уставился на неё невидящим взглядом, только пальцами по стеклу постукивает.

«Время тянет, — подумала она. — Сколько ещё предложит? А Маковой разозлится, когда узнает... страсть!»

Маковой ни разу в жизни не поднял руку ни на неё, ни на Виорику. Когда он злился, глаза делались как два остывших уголька, брови сползались в одну мохнатую гусеницу. Ходит днями, молчит — слова не вытянешь, а как говорить начинает — шипит тихо по-змеиному. В такие времена Амалия думала, что лучше б ударил, отвёл душу, и стал бы прежним, чем с такой грозовой тучей жить.

А ювелир сидел и думал. Маковой Сырбу, который был тут накануне, произвёл на ювелира тягостное впечатление. Несмотря на бедную одёжку, простаком тот не был. Был он грузным, сутулым, но той сутуlostью, когда очень не хочется видеть, как расправляются плечи. За этим человеком было прошлое, о котором не станешь бахвалиться на каждом углу. Но больше всего пугали глаза. Он смотрел на ювелира, как на дождевого червя — отвратительного, но полезного, когда ещё не решил: лопатой перерубить или пусть ползёт. Аарон Гинзбург хорошо знал такой взгляд.

Очень необычное украшение лежало сейчас на стекле перед ним. Для этой крестьянки — просто камушек в массивной золотой оправе, обрамлённый чёрнёным серебром. Для него — «всевидящее око», еврейский глаз. Не просто украшение — амулет, дающий прозорливость. Странное только око. Вместо бриллиантов, придающих ясность взгляду, здесь стояли кроваво-красные рубины. Ни один еврейский ювелир не стал бы такое делать.

Аарон не зря спросил про акцент. Он был едва заметен: чуть менее мягкая «эл», чуть более округлые гласные. Другой бы внимания не обратил, но ювелир привык различать нюансы. У мышей чуткий слух оттого, что у кошек мягкие лапы.

Он ещё раз осмотрел серьгу. Намётанный глаз заметил геометрическую неправильность закрепок. Ну что ж, это многое объясняло. Был только один путь, как эти серёжки могли попасть к Сырбу, и не было иного объяснения, почему Сырбу пришлось продавать бриллианты отдельно от самого украшения. Даже будь у золота голос, оно не смогло б рассказать ему больше о судьбе двух семей — его бывших и нынешних владельцев.

Как ни хотелось Аарону спросить, в каком году они переехали в Румынию, он сдержался. Молчание спасает жизнь чаще, чем слова. Наконец, он поднял голову и пристально посмотрел в глаза женщины. В них был страх, но не того рода — она боялась обмана. Ничего она о своих украшениях не знала... Или знать не хотела.

— Это очень ценные серьги. За них я дам самые дорогие кольца с бриллиантами, какие у меня есть, — он пожевал пересохими губами и продолжил: — Без доплаты.

Ювелир выставил на прилавок новую коробочку с кольцом и переставил поближе лампу. Маленький бриллиант засиял разноцветными бликами. Амалия ахнула.

— Боже мой, какая красота! Не представляю себе, сколько оно стоит.

— Дорого, — подтвердил ювелир. — Соглашайтесь, это хорошее вложение. Леями скоро можно будет топить печку.

Ювелир снял мерки у девушки с сияющими глазами и у офицера с потухшими. Пальцы дрожали у обоих. Только посетители ушли, он запер дверь и ушёл в заднюю комнату. Разложил на верстаке серьги и долго смотрел на них, потом сел за работу.

В его мастерской стоял мёллеровский сейф — кованный, двойной, с асбестовой прослойкой. Даже самый надёжный сейф можно взломать... или заставить открыть. Лучшая в мире отмычка — кончик ножа, трясущийся в волоске от нежной шеи ребёнка. Не только сейф с побрякушками — имя Бога откроешь гою, не думая.

Покупка сейфа — настоящая наука. Евреи владеют ей в совершенстве. Сейф должен быть дорогой, большой, хорошо защищённый и богато украшенный — он должен сразу привлечь внимание грабителей видом и не разочаровывать содержанием. Сейф — обманка, сума с медяками у входа в пещеру сокровищ, тот же маасер ксафим: одну десятину кагалу, вторую — за жизнь родных. Главное, чтобы грабители не прознали про самую важную часть любого еврейского дома — тайник. У Аарона он находился между вычурных ножек несгораемого шкафа — никто не догадается простучивать там половицы.

Ещё до войны ювелир купил у единоверцев в Амстердаме два одинаковых бриллианта чистейшей воды, достаточно крупных, чтобы заменить собой рубины в еврейских глазах. Для рубинов он придумает новую оправу, а взгляд всевидящего ока снова станет ясным.

«Изор Элоим нишмат...» — губы Аарона шевелились, произнося поминальную молитву, пока умелые пальцы извлекали кровавые камни из закрепок.

* * *

Стемнело. Першерон мерно цокал копытами по мостовой. Ветер гнал позёмку. Городские власти фонарей на улицах не зажигали: то ли экономили, то ли опасались немецких аэропланов. Слабый светильник на облучке освещал, казалось, лишь самого себя, а тьма вокруг него сгущалась ещё сильнее. Замфир сидел на скамье, обняв Виорику за плечи. Она лбом уткнулась в его шею и щекотала кожу тёплым дыханием, но думал Василе не о ней.

Он беспокоился за родителей и рисовал в воображении самые ужасные сцены, строил планы, один фантастичнее другого, как он проберётся через линию фронта в оккупированную столицу, но каждый план в его голове заканчивался виселицей. Разница была лишь в том, на каком языке зачитывали приговор.

Под беспокойством пряталась ещё одна мысль, в которой Замфир стеснялся себе признаться: попытка пробраться в Бухарест давала благородную причину отсрочить свадьбу, а с ней момент, когда Маковой Сырбу обретёт над ним полную власть.

Впереди показался сквер, между облетевшими деревьями горели костры. Несколько десятков мужчин в разномастной одежде грелись у огня. Замфир заметил среди них человека с ружьём в военной форме.

— Госпожа Амалия, остановитесь, пожалуйста, — попросил он.

Она натянула поводья, и Василе спрыгнул на землю. Он подошёл к военному, тот выткнулся перед офицером и отдал честь.

— Плутоньер Брагу. Сопровождаю рекрутов на фронт.

— Вольно, плутоньер. Куда едете? В Добруджу?

— Нет, господин сублейтенант. На запад, к Бухаресту.

— И когда уезжаете?

— Эшелон задерживается, господин сублейтенант. Говорят, только утром будет.

Замфир посмотрел на угрюмых людей у костров. Они зябко кутались в свои обноски и жались ближе к огню.

— Отпустили бы людей по домам, плутоньер, зачем солдат морозите?

— Потом опять их собирать? Нет, господин сублейтенант, пусть привыкают. На фронте тёплых постелек с грелками не будет.

— Утром?

— Утром, не раньше.

Замфир бросил взгляд через плечо на телегу с тусклым фонарём и решился.

— Мне тоже туда надо, по служебной надобности. Отвезу женщин и к рассвету вернусь.

Он запрыгнул в телегу и порывисто обнял Виорику.

— Можем ехать!

Амалия хлестнула лошадь по крупу, и телега со скрипом покатила. Замфир ощутил небывалый подъём — он сделал первый шаг, первое простое движение навстречу своему страху, только не побег ли это от страха другого рода?

«Надо оставить письмо. Объясню, зачем я это делаю, и пообещаю, что вернусь, как только выведу родителей из Бухареста, — подумал он. — И мыло трогать не буду — как доказательство моих намерений». Эта мысль успокоила Василе.

Першерон глухо стучал копытами в задеревеневшую землю. Вслед его шагам поскрипывал на облучке фонарь. Задремавшая невеста жарко дышала в шею сублейтенанта. Замфир покачивался, покачивались его мысли, теплея и сглаживаясь,

обкатываясь до голышей в речном потоке. Полой шинели он укутал Виорику, левой рукой поддерживая девушку под грудь, под тёплую влекущую тяжесть всего за парой слоёв плетёных ниток да овчины. Сегодня, под утро, он выберется из дома и уедет на фронт, так и не увидев её живую, и увидит ли когда-нибудь?

Амалия впереди не шевелилась, может, уже спала — конь и без неё знает дорогу к тёплой конюшне. Замфир крепче прижал к себе Виорику, она сонно заворочалась, подалась к нему, подставила под поцелуй свою нежную, как бочок спелого персика, щёчку. Здесь, под сукном сублейтенантской шинели было всё, что ему нужно — его маленький мир, его неисследованная планета. Зачем туда лезут те, кого он не хочет видеть? Почему их двоих никак не оставят в покое?

От спокойной решимости Замфира качнуло в глухую злость. Все дни после того, как он очнулся в своей кровати с забинтованной головой, его постоянно бросало: из апатии — в ярость, из ярости — в эйфорию, из эйфории — в меланхолию. По утрам часто тошнило, он ослаб, дрожь в коленях стала привычной. Временами он думал, что это последствия сотрясения мозга, потом вспоминал, как мало уже мыла во флаконе, и правда — жизненной силы в нём оставалось едва на четверть. Единственным, что возвращало ненадолго его к жизни, была Маковеева настойка.

«Как бы выведать её рецепт...» — подумал Замфир.

Злость усиливалась, перерастая в гнев — сквашенный под гнётом, пузырящийся яростью. Он ворочался в тесноте рёбер, сминая лёгкие. В глазах Василе от удушья сгустились тёмные пятна. Так же черно было на его душе.

«Может, это раковая опухоль?»

У Замфира онемел затылок. Чёрная тоскливая жижа плескалась в его голове в такт покачивающейся телеге. Качалась Амалия на облучке, качался фонарь, качались пятна света на голых деревьях по бокам дороги. Василе нестерпимо захотелось выпить ракии с пряным духом. После неё тоска отступает, и в голове становится ясно и чисто. Даже свет становится другим — тёплым и не колючим.

Утром он сказал Виорике, что никогда больше не будет пить самогонку Сырбу. Сейчас Замфир поймал себя на том, что пытается вспомнить, клялся он тогда перед невестой или просто пообещал. Он беззвучно вздохнул: обещания надо выполнять. В то же время Василе точно знал, что к концу дороги придумает себе оправдание. Волшебный напиток: полстакана — и внутренние бесы утихомирены, по крайней мере до утра.

Сколько себя помнил, Василе всегда был таким: с тонкой кожей, сквозь которую торчат нервы — лёгкая добыча для всех демонов боли, страха, тоски в мире. Как хронический пациент, измученный частыми уколами, он чувствовал боль задолго до прикосновения иглы к коже. Она растягивалась во времени, не ослабевая, а усиливаясь, и мучила его во сто крат сильнее, чем обычных людей.

В гимназии он завидовал однокашникам — они казались неуязвимыми к ударам. Они с гордостью носили свои садины и хвастались фингалами, а его можно было ранить даже словом. Поединки в университете вызывали ужас, и он прожил студенческие годы, обходя острые углы и не вторгаясь в чужие жизни. У него не было другого выхода: боль, которую едва замечали другие, могла его убить; страхи, которых не знали окружающие, иссушали его душу.

Замфиру казалось, что он нарастил панцирь, а на деле, просто жил в пустоте, в вакуумной колбе, где никто не мог к нему прикоснуться. Теперь колбу разбили, и он оглушён, он почти убит обрушившимися на него чувствами. Василе не умеет с ними справляться, его этому не учили. Как хорошо было бы стать бесчувственным бревном, как остальные люди, но ему для этого придётся умереть. Всё равно раньше, чем огрубеют нервы, он сойдёт с ума.

Показался тёмный семафор, в свете луны блеснули серебряными нитками рельсы. Из-за широкой спины Амалии высунулся и спрятался фонарь над крыльцом дома Сырбу. На пригорке, в тулупе с поднятым воротником, стоял Маковей. Замфир высвободился из девичьих объятий и спрыгнул с телеги.

— Сменю Маковей! — бросил он Амалии и пошёл через луг.

— Когда поезд? — деловым тоном спросил Замфир, подойдя к Сырбу.

— Не знаю, пока не было, — пожал тот плечами. — Застрял где-то.

— Давайте планшет, я пересчитаю.

Маковей снял тулуп и накинул на Замфира.

— Ну, давай, зятёк, не мёрзни.

— Да, холодно сегодня, — согласился Василе.

Маковей не торопился уходить, а Замфир не решался спросить. Думал: вот повернётся он спиной, чтоб глаз не видеть, и попрошу... Хоть пару глотков. А Маковей смотрел на него, чуть склонив голову, и ждал.

— Согреться хочешь? — с лукавым пониманием спросил он.

— Не отказался бы, и правда зябко.

Сырбу посмотрел через плечо на дом. Телега уже стояла у крыльца. Виорика открывала ворота конюшни, а Амалия заносила в дом вещи.

— Дам немного, — сказал он. — Только смотри, не выдай меня. Амалия плешь проест, что тебя спаиваю.

— Буду нем, как рыба! — поклялся Замфир.

Маковой вытащил из кармана штанов фляжку и протянул ему. Василе скрутил пробку, в нос ударил знакомый запах пряностей, и от одного этого аромата тревога отпустила. Он сделал осторожный глоток. Жгучая жидкость распустила стиснутое горло. Жадно, в три глотка, Замфир выпил всё, что оставалось во фляжке. Маленькое тёплое солнышко провалилось в желудок и разогнало тоскливую тьму. Замфир вернул опустевшую флягу Маковой.

— Мужаешь, — усмехнулся Маковой. — Вначале по капле цедил и от одного глотка падал.

Замфир не ответил. Он улыбался, наслаждаясь свободой от дурных мыслей и волнений. Маковой ушёл. С юга показался поезд. Его желтоватый глаз долго висел на одном месте, потом вырос рывком, ослепил Василе ярким светом. В свисте, лязге, шипении пара он пронёсся мимо, и Замфир закричал ему: «Ура-а!» — зная, что крик потонет в шуме, и его никто не услышит — восторг освобождения рвался наружу, как пар сквозь пластины паровозного свистка. Он спохватился, начал пересчитывать вагоны, попытался вспомнить, сколько их уже проехало, но не смог, и вписал количество в бланк наугад. Василе давно казалось, что его отчёты никто не читает.

Около шести утра войсковой эшелон проехал без остановки вокзал Чадыр-Лунги и встал в двух с половиной километрах южнее, у края парка. Молчаливые ополченцы забирались в вагон, бросая прощальные взгляды на родной мирный и уютный городок. Плутоньер Брату отмечал их поимённо в своём списке. Затем залез следом и долго стоял у открытой двери, глядя в темноту. Молодой офицер, которому тоже надо было на фронт, так и не появился.

Лязг пробежал по составу, от головы до хвоста поезда. Вагон дёрнулся, голые деревья парка поплыли назад. Брату достал коробку папирос и закурил, не закрывая дверь. Пробежало поле под сереющим предрассветным небом, редкий лесок. Перед подъёмом паровоз сбросил пар, мимо медленно прополз небольшой домик стрелочника с тёмными окнами, за которыми мирно спали люди, будто и нет никакой войны. Поезд вскарабкался в гору и, набирая скорость, покатился вниз. Ударил холодный ветер, и плутоньер закрыл дверь тамбура. «Другим поездом уехал, наверное», — подумал он.

Всё повторилось вновь, будто и не было прошлого дня. Замфир против воли разжал веки под слепящий свет. Вышел из комнаты, как был, в одних кальсонах. Глаза, как в давнем сне, когда он был лошадьёю, закрывали шоры. Что по бокам, он не видел, только старые половики под ногами, доски, жухлая трава, серебристая инеем, застывшая грязь, хрупкий ледок под голый ступнёй, опять грязь, опять трава. Он не смел поднять голову: там сияло безжалостное солнце, миг посмотришь, и глаза испарятся из глазниц. Край умывальника, флакон с жалкими остатками жидкого мыла, марсельский обмылок с прилипшим курчавым волосом.

Онемевшее тело не мёрзло. Он плеснул воды из рукотомника. В голове, набитой ватой, темнели какие-то мысли, краешком торчали забытые обещания. Смутно, расплывчато выплывали обрывки: плечо с двумя лычками, чеканная бляха с германским орлом, дрожащие руки, тянущиеся к огню, и глаза, испуганные глаза матушки.

У Замфира было неотложное дело: ночью, до рассвета, он должен был вернуться в парк Чадыр-Лунги и уехать с ополченцами на фронт. Он вспомнил! Но над головой сияло невыносимо яркое солнце, и эшелон плутоньера Брату вместе с его обречёнными рекрутами давно укатил к Бухаресту. Замфир проспал.

На привычном пригорке в своём безразмерном тулупе стоял Маковой с планшетом. Василе поплёлся к нему. Он не глядя перешагнул через колоду, которую уже и не пытался поднять. Он шёл, как пьяный, едва успевая впечатать ногу в стылую землю за миг до того, как повалиться на неё. Холод настиг его вместе с ожившим воспоминанием. Василе обхватил руками голые плечи, но упрямо, спотыкаясь, ковылял к Маковой. Надо было вернуться в дом и одеться, это была ещё одна мысль, а две мысли в его голову сейчас не помещались.

Он дошёл: бледный и жалкий, с глубокими тенями под глазами, кутающийся в холодные руки. Синими губами он спросил:

— Что со мной, Маковой?

Зубы выбили дробь.

— Сдурели вы, что ли, господин сублейтенант, голышом зимой шастать? — Сырбу украдкой глянул за спину Замфира. Двор был пуст, из окон никто не выглядывал.

— Что со мной, Маковой? — повторил Василе.

Как замёрзший пёс, он сутуло покачивался, поджав ногу.

— Я тебе доктор, что ли? — огрызнулся Маковей. Он стянул тулуп и закутал в него Василе. — Пошли в дом! Заболеешь ещё перед свадьбой.

— Чем ты меня поишь? — подгоняемый будущим тестем, Замфир пошагал к дому.

— А ты не знаешь? Ракией. Я сам её пью. Смотри, — на глазах у Василе он приложился к фляжке. — Видишь? — Замфир потянулся к ней, но Маковей не дал. — Иди к свадьбе готовься, пьяница!

— Дай мне флягу!

— Нету там ничего, всё выпил!

— Чего ты боишься?

— Да на! — Маковей со злостью сунул фляжку ему в руки.

Замфир открутил крышку и понюхал.

— Запах другой... — сказал он, пристально глядя Маковеем в глаза.

— Та кончилась! Ты всю выхлебал! — он ехидно скривился: — А что, понравилась?

Ещё хочешь? Иди, пока воспаление лёгких не подхватил, — тычком в плечо Маковей впихнул Замфира в дом. Завёл его в комнату, вытряхнул из тулупа и уложил в кровать.

— Что с тобой? — бурчал он, подтыкая одеяло. — Малица тебя лопатой приголубила, вот что с тобой. Мозги ещё на место не встали. Лежи отдыхай, а то бледный ты какой-то, а завтра свадьба. Сейчас поесть тебе принесу.

Он ушёл, плотно закрыв за собой дверь. В тепле, под пуховым одеялом, дрожь утихла, сонное тепло растекалось по жилам, и Замфир начал сползать в сон. На кухне Виорика с Амалией в четыре руки готовили свадебный стол.

— Соберите завтрак господину сублейтенанту. Простыл, бедняга. На службу рвётся, еле уговорил его, чтоб не вставал.

Амалия отложила наполовину разделанную курицу и достала из печи мамалыгу, наложила полную тарелку с горкой, сдобрила маслом.

— Я отнесу! — подскочила Виорика.

— Делом занимайся! — осадил её отец. — Сам покормлю.

Он отодвинул Амалию и полез в сервант.

— Опять?! — всплеснула она руками.

— Надо ему сейчас! — отрезал Маковей. — В медицинских целях. Пропотеет — к вечеру как заново родится!

Он поставил кружку с ракией на поднос и унёс в комнату Замфира. Василе спал, глаза под веками беспокойно бегали. Он видел сны, но больше не запоминал их. Проснувшись, чувствовал тревожное послевкусие, да и только. Маковей поставил поднос на стол и выплеснул в ракию остатки жидкости из флакончика. С кружкой в руках он склонился над спящим и повёл краем около носа. Затрепетали ноздри, втягивая знакомый запах специй. Зрачки перестали метаться под смеженными веками, ресницы задрожали. Ещё не проснувшись полностью, Василе потянулся к нему.

— Твой любимый напиток, Замфир, — тихо прошептал Сырбу. — Ты так его хотел...

— Что ты подливаешь туда, Маковей? — так же тихо спросил Василе.

— Мой волшебный эликсир. Не хочешь? Я вылью, — Маковей сделал движение, как будто и правда решил опрокинуть кружку на пол, но Замфир вцепился ему в руку. Хватка была такой бессильной, что Сырбу на миг стало жалко своего квартиранта, но он справился с мимолётной слабостью. Его никто никогда не жалел, и он не станет.

— Тогда пей, — усмехнулся Маковей. — Но молча. Проговорись — и всё, больше не получишь ни капли, — он вложил кружку в дрожащие пальцы Замфира и отошёл к столу за тарелкой каши. Судорожными глотками Василе влил в себя его настойку, и Маковей забрал опустевшую кружку. — Полегчало? — оскалился он. — Теперь поешь, а то на тень похож стал.

— У меня нет аппетита, — Замфир отвернулся к стене. — Я хочу побыть один.

— Есть аппетит, нету, а ты сделаешь то, что я сказал. Сядь! — нехотя Василе подоткнул подушки и привалился к изголовью. — С ложечки кормить не буду, — Маковей сунул ему в руки тарелку и ложку. — Давай! Чтоб ни крошки не осталось.

Механически двигая челюстями под тяжёлым взглядом Сырбу, Василе съел всю кашу и вернул ему пустую миску. Маковей ушёл, а Замфир подтянул колени к подбородку и укрылся с головой, оставив маленькую щёлочку. Он безучастно следил, как медленно ползёт по стенам солнечный свет, четвергованный оконной рамой. Сон не шёл, мыслей не было, желаний тоже, кроме одного: чтобы никто и никогда не пересекал порог этой комнаты... чтобы его оставили в покое.

Замфир не видел сны с тех пор, как лопата Амалии врезалась в его затылок. Они всегда были весомой частью его жизни, и как бы ни мучили, но сейчас, когда их не стало, он чувствовал пустоту. Василе вспомнил свой детский кошмар, в котором добрая матушка нарезала его ломтями, как молочного поросёнка. Ему не было больно, просто холодная пустота, часть за частью, возникала там, где были его ноги, ягодицы,

поясница — всё ближе и ближе к голове. Гости лакомились его сочным мясом и нахваливали кулинарные таланты госпожи Замфир, а она, смущаясь, говорила: «Да что вы, мой повар готовит несравненно лучше, но не могу же я позволить ему запечь собственного сына!» Холод подступал к груди, а гости всё ещё были голодны.

Потом он вспомнил сон, в котором Сабуров продал его замороженную тушу в военный госпиталь. Сон, где Маковой перекачивал его белую кровь своей лошади. Все его сны были об одном: его едят, едят всю жизнь — ломтями, кусками, клоками. Пьют кровь, рвут на части, вгрызаются зубами в плоть, выедают серебряной ложечкой мозг из трепанированного черепа.

Всю жизнь его ели аккуратно, сохраняя жизнь, но теперь он попал к Маковой, в дом ненасытного каннибала, на его людоедское пиршество в качестве основного блюда. Сырбу сожрут его целиком и кости обглодают, а мозговые разгрызут. Не будет больше Замфира, даже то, что от него пока ещё остаётся, исчезнет. Ни в штабе не вспомнят, ни родители ничего не узнают.

Замфир перевернулся на спину и устался в потолок. За окном — только голубое небо, совсем не зимнее. Можно представить, что сейчас лето, и он только-только приехал на платформу Казаклия. Тогда он подавит свою брезгливость, спрячет столичный снобизм. Коричневый флакон останется на пыльной полке магазина Лазареску, и шувано не получит власть над его жизнью.

Замфир почти поверил в это чудо, он подскочил и едва успел схватиться за никелированную шишку: комната поплыла, и Василе чуть не свалился с кровати. За окном был грязный двор, слегка припорошенный снегом, и голое поле за железнодорожной насыпью, до самого мёртвого зимнего леса. С разочарованным стоном Замфир упал на кровать.

«Сожрут, и ладно!» — подумал он. С мёртвого нечего взять. Мёртвого никуда не тащат. Мёртвому не больно. Где-то над домом, там, где сейчас висело невидимое солнце, послышался механический стрёкот. «Аэроплан...» Замфир закрыл глаза.

«Жаль, что это не Сабуров. Только он ничего и никогда от меня не хотел».

Освобождение Замфира

В первом часу пополудни через Казаклию проследовал грузовой состав с разбитой техникой. Под горочку, не сбавляя скорости, он пронёсся мимо. Маковой со всей серьёзностью пересчитал вагоны и заполнил бланк. Меньше всего ему хотелось, чтобы из-за какого-то несоответствия штаб прислал проверяющего.

За грохотом перегруженного состава Маковой не услышал сердитого пулемётного стрекота со стороны Чадыр-Лунги — он прекратился до того, как отгремели колёса по рельсам. В наступившей тишине возникло едва слышное механическое тарыхтение, оно не исчезало, а становилось громче, но рельсы были пусты. Солнце в этот день слепило по-зимнему, и он, прикрывшись ладонью от его лучей, завертел головой.

На крыльцо вышла Виорика с полотенцем. Она обтёрла руки от муки и крикнула:

— Папа! Обедать иди!

Звук приближался, источник его находился где-то за домом. В небе над селом он заметил аэроплан — тёмный силуэт в ярком солнечном свете, деталей не разглядеть. Машина приближалась, постепенно сбрасывая высоту и вскоре пропала за коньком крыши. Маковой ждал, тревожно вслушиваясь в рокот мотора, приглушённый домом, но, несомненно, приближающийся. Аэроплан появился неожиданно. Вылетел очень низко, чуть не чиркнув днищем по черепице. На носу гондолы за опущенным пулемётом стоял человек и, высунувшись чуть не по пояс, внимательно осматривал землю. На человека в тулупе он внимания не обратил. Запоздавший ветер мягко ткнул Маковоя в спину, взметнул снежные буруны. Аэроплан прошёл над железнодорожной насыпью, и ясно стал виден тевтонский крест на фюзеляже.

Виорика опознавательных знаков не заметила. Перед её глазами разворачивалось настоящее чудо: тяжёлая машина, летящая по воздуху, как птица. Наяву, а не на нечётких рябых газетных фотоснимках! Виорика выбежала на двор, запрыгала, размахивая полотенцем и крича:

— Аэроплан!

В душе Маковоя колыхнулось дурное предчувствие. Раньше оно не раз спасало Маку Сечераторулу жизнь, он привык доверять интуиции. В самолётах Маковой не разбирался, но этот показался ему слишком большим для безобидного разведчика.

— В дом! — закричал он что было мочи. Виорика обернулась и непонимающе посмотрела на отца. Она не двигалась с места, белое вышитое полотенце в поднятой руке трепал ветер. — В дом! — заорал он снова.

От аэроплана за её спиной отделилась чёрная точка, и сразу взметнулся в небо

фонтан из земли и камней. Ураганный ветер сбил Виорику с ног, и она рухнула лицом в снег. Маковей тоже упал, за мгновение до того, как вонючий гаревой шквал долетел до него, всего пара комьев земли упала ему на спину. Тарахтение авиационного мотора затихло вдали. Сырбу сбросил тяжёлый тулуп и поковылял к дочери так быстро, как мог — рана всё ещё болела.

Виорика лежала ничком, не шевелясь. Маковей смахнул рукавом землю с её спины — ни крови, ни порванной одежды. Он рывком перевернул дочь, та сразу вцепилась в отца, прижалась к груди, сказала: «Папа». Ещё раз, громче. Потом закричала в панике: в ушах её стоял ровный гул, она ничего не слышала. Она кричала до хрипоты, пока Маковей с силой не вжал её голову в свою грудь.

Германский аэроплан неторопливо шёл над полем, вдали, то ли возвращаясь в расположение, то ли закладывая новый широкий круг. На таком расстоянии он казался игрушкой — нелепой и безопасной.

Маковей встряхнул дочь:

— Иди в дом, слышишь?

Она замотала головой, разбрызгивая слёзы. Раньше он подхватил бы её на руки и отнёс, но сейчас, из-за выстрела Замфира, он и сам ходил с трудом. Тяжело, оставив больную ногу, он поднялся и заставил встать Виорику. Развернул её за плечи к крыльцу и толкнул, она пошла, мучительно медленно, растерянно оглядываясь на отца.

Замфир, умиротворённый Маковеевой настойкой, крепко спал. Вроде только смежил веки, как раздался грохот. Окно спальни взорвалось, и стеклянные осколки усыпали одеяло. Василе сел в кровати. От внезапного пробуждения голова кружилась. Он не понимал, ни кто он, ни где находится. Уехал на фронт с плутоньером и сейчас попал под обстрел? После того, как сны покинули его, сама жизнь стала бесконечным уродливым кошмаром, от которого не проснуться.

Василе сполз с кровати прямо в стеклянное крошево. Сердце отчаянно колотилось под горлом, мешая дышать. Кругом всё было, как всегда: он в своей спальне, в домике Сырбу, где живёт уже полгода, только пол усыпан осколками, а в пустую раму дует холодный ветер. Война долго ждала Замфира и не дождалась, пришла сама.

Шатаясь, он пошёл к двери, гадко закрипело стекло по деревянному полу. В уши ударил испуганный крик Виорики. Собрав все силы, Замфир выбежал в коридор. Окровавленные ступни липко скользили по крашеным доскам, но боли онемевшее тело не чувствовало. Дверь подклинило, и он не сразу, но выбил её плечом. Выскочил на крыльцо. У железнодорожных путей дымилась яма. Маковей с серыми от пыли волосами гнал к дому чумазую дочь. С юга появился аэроплан, он приближался.

Германский бомбардировщик шёл очень низко. На тросах под гондолой оставались ещё две бомбы, но летнаб боялся промахнуться. По первоначальному плану он должен был повредить пути в районе железнодорожного вокзала Чадыр-Лунги. Там было просто: чёткие ориентиры, незащищённый участок. Лётчик зашёл против солнца и получил очередь из крупнокалиберного пулемёта. Бог вест, где эти крестьяне его достали. Возвращаться с пустыми руками не хотелось. Немного дальше, к югу, он заметил чёрную закорючку семафора и домик путевого обходчика рядом. Где семафор, там и стрелка. Новая цель была ничуть не хуже старой.

Они зашли с запада. Внизу копошились куры, копошились крестьяне среди кур, летнаба это не беспокоило. В начале войны они старались избегать жертв среди некомбатантов, но это быстро прошло. Война избавляет от предрассудков, и вскоре люди перестали быть людьми. Они поделились на мишени и сопутствующие жертвы, без имён и историй: плоские картинки в прицеле. Горевать о паре дохлых цыган в этой Богом забытой дыре он точно не будет. Летнаб приказал уменьшить высоту. В этот раз промахнуться он не хотел.

Виорика увидела аэроплан, летящий прямо на неё, и побежала, но не к дому, а прочь, не думая и не разбирая дороги. Маковей закричал Замфиру:

— Лови её!

Замфир нахмурился, потом сорвался с места. Он чуть не свалился со ступеней. С трудом удержав равновесие, побежал вслед за Виорикой, спотыкаясь чуть не на каждом шагу. Маковей зло сплюнул и, как мог быстро, заковылял к крыльцу. Из-за двери выглянула перепуганная Амалия, и он остервенело рывкнул:

— Дома сиди, не высовывайся!

«Тебя ещё ловить по всему двору не хватало! — бурчал он под нос, взбираясь по ступеням. — Хороши защитники: один раненый, другой одурманеный...»

Летнаб посмотрел вниз. Женщина бежала прямо к тому месту, куда он собирался сбросить бомбу. За ней гнался мужчина в одних кальсонах. «Идиоты!» — усмехнулся летнаб и потянул трос, удерживающий бомбу.

Бежать Замфиру было трудно. Сил в нём почти не оставалось. По утрам после Маковеевой настойки часто двоилось в глазах, и эти галлюцинаторные отражения

начинали жить своей жизнью. Сейчас непонятно откуда у него появилась третья нога, и надо было постоянно думать, как и в каком порядке их переставлять, чтобы не упасть. Лишняя нога казалась то правой, то левой, но она была материальна: Василе чувствовал боль от попадавших под босую ступню камней. Остатки разума в одурманенном мозгу кричали, что это галлюцинация, но третья нога существовала, и с этим приходилось считаться.

Замфир понимал, что с ним, и догадывался, чем сдобрена Маковеева настойка. Он ненавидел Маковея, но его неудержимо тянуло к этому пойлу. Василе на что угодно мог согласиться ради новой порции, понимал это и презирал себя за слабость. Тоска по прошлой, здоровой жизни до того, как Амалия ударила его лопатой по голове, ещё не прошла. Каждое утро Замфир давал себе зарок выбраться отсюда и лечь в клинику на лечение, а вечером покорно брёл к Маковею выпрашивать настойку.

Мысли путались, ноги путались, ноги путались с мыслями, и так было, пока Замфира не озарило: он перестал видеть сны потому, что лежит без сознания, а когда он бодрствует — это, на самом деле, сон. Бухарест не мог пасть — вся Великая Румыния встала бы на пути врага. Откуда появился першерон? Бьянка умерла? Нет, ему приснилось, что Бьянка умерла... Голубой атласный цилиндр, обручальные кольца с бриллиантами, плутоньер со своими замёрзшими оборванцами — разве это похоже на реальную жизнь? Всё это сон! Он окончится внезапно, как все сны, и Василе очнётся в реальном мире, не похожем на затянувшийся кошмар.

Между ног возникла пустота, он бросил вниз осторожный взгляд: две босые ноги, как и положено человеку, шагали по замёрзшей грязи. Василе воспрямился и прибавил ходу. До Виорики оставалось совсем чуть-чуть. Аэроплан с шмелиным гулом пролетел над их головами, и Замфир прыгнул, слабо и неуклюже. Хотел врезаться ей в спину и накрыть собой, но беспомощно рухнул брюхом на твёрдую землю. В отчаянной попытке выбросил руки вперёд, ухватил Виорику за ногу. Она споткнулась и растянулась перед ним. Вонючий керосиновый ветер взбил её юбку и бесстыдно обнажил грубые шерстяные панталоны.

«Неужто вы ещё ни разу не стягивали кружевные панталончики со стройных ножек?» — с весёлым удивлением спросил Сабуров в его голове. Замфир решил, что непременно купит Виорике самое лучшее, самое тонкое шёлковое бельё с искусными кружевами. Пусть хоть весь комод им забьёт. Нежное девичье тело, которое он ещё ни разу не видел, представлять было приятнее, чем стальную бомбу, которая разорвёт их на куски.

Летнаб рванул за трос, но неудачно. Резко обожгло бок: напомнил о себе чей-то меткий винтовочный выстрел, настигший его над Соммой. Пальцы разжались. Он рванул ещё раз, преодолевая боль. Поздно понял, что бомба не причинит никакого вреда, попытался удержать, но трос выскользнул из рук. Взрыв за спиной разметал комья застывшей грязи, и аэроплан пошёл на новый вираж. Остался всего один шанс выполнить приказ.

Раздался оглушительный взрыв, земля вздрогнула. Град из мелких камушков стукнул в спину и затих, воздух переполнился земляной пылью. Замфир поднялся, вытрясая звон из ушей. Виорика неуклюже, как раздавленная букашка, подтягивала под себя руки и ноги. Василе потянулся к ней, но бросил взгляд на стену дома, изрешеченную осколками, и от ужаса онемел затылок.

Коричневые черепки с плевками белого мыла, припавшего пылью, валялись на земле. Один из осколков разбил проклятый Маковеем флакон. Василе бросился к рукомоюнику. В голове была пустота, как в ту ночь, когда шувано выдернул из неё пробку. В том видении жизни в нём было много, она плескалась, стекала по стенкам его черепа и обильно текла на сложенный рушник, а через открытую дыру врвался ветер и гудел в его стеклянном горле. Сейчас Замфир был пуст. Остатки жизни смешались с грязью и впитались в землю. Насколько хватит тех капель, что сохранились в вогнутых кусках коричневого стекла?

Замфиру хотелось бы проснуться, но врать себе больше не получалось. Его колотило от холода, в воздухе стоял запах гари, саднили изрезанные ступни. Самые яркие его кошмары не были настолько реальными. Василе обмакнул пальцы в мыло и поднёс к глазам. Его жемчужная чистота испорчена грязью, как и его жизнь. Маковей влез в неё в своих обляпанных грязью и лошадиным навозом сапогах.

Из дома вышел Сырбу с винтовкой в руках. Тяжело дыша, он боком начал спускаться по лестнице. Замфир пожалел, что не взял с собой револьвер. Он явственно ощутил деревянные щёчки «Сен-Этьена» в ладони, его тяжесть и кудлатую голову шувано, насаженную на мушку. Он спустил бы курок, не задумываясь, и жал бы, пока не опустеет барабан. У его ненависти было имя: Маковей Сырбу, кишинёвский шувано. Грязный малограмотный лошадиник, испачкавший и уничтоживший его жизнь.

Маковей остановился посреди двора. Он шарил глазами по небу, но аэроплана

видно не было.

— В дом идите! — крикнул он на всякий случай.

Замфир с Виорикой не сдвинулись с места. Семафор за их спинами накренился, но пока держался, стрелка была цела, рельсы не повреждены. Маковой выдохнул с облегчением. Принимать ремонтную бригаду в день свадьбы ему не хотелось.

Замфир обнял Виорику и прижался к ней. Спину овеял холодный ветер, но в груди было жарко.

— Всё кончилось, — сказал он, стирая грязь с её лица.

— Я не слышу, — сквозь слёзы пожаловалась Виорика.

— Это пройдёт.

— Ты замёрзнешь, Василикэ.

— У вас, господин сублейтенант, в привычку вошло по двору нагишом разгуливать?

— услышал он ехидный голос Маковой.

Замфир задрал голову, чтоб не кричать в лицо Виорике, и ответил:

— Катись к чёрту, Сырбу!

Виорика не слышала ничего, кроме надоедливой шума, будто уши закрыли двумя большими раковинами. По движению губ она поняла, что сказал Василе, и, хихикнув, сконфуженно уткнулась ему в шею.

Усилившийся ветер снёс звук авиационного мотора. Германский бомбардировщик зашёл с подветренной стороны, и Замфир поздно заметил приближающийся аэроплан. Увидел его и Сырбу.

— В дом! — заревел он, обречённо понимая, что уже слишком поздно: его дочь стояла слишком близко к стрелке, в которую целил германец.

Маковой упал на колено, не обращая внимания на боль, и передёрнул затвор. Он до боли вжал приклад в плечо и изготавился ждать.

Аэроплан был так близок, что Замфир видел серебристые крути вращающихся винтов, голову лётчика в шлеме, высунувшегося из гондолы, чёрное тело бомбы на тростях — пули-переростка, почти такой же, какую он всадил в ногу Маковой. А надо было в сердце.

Василе понял, что очень устал. Его жизнь, как мыло, впиталась в землю и тянула за собой. Грязь, которая покрывала его тело, была подготовкой. Скоро она окружит его полностью, ляжет сверху полуметровым слоем. Он будет лежать и смотреть в темноту, пока его глаза не превратятся в два тухлых перепелиных яйца, но ему будет всё равно, потому что он умер. Так, кажется, думал сербский художник с волчьим именем?

Летнаб сделал поправку на ветер, хоть на такой высоте он почти не влиял. Ему не хотелось промазать в третий раз. Почти в самом центре будущего взрыва обнимались мужчина и женщина.

«Тупые цыгане!» — буркнул под нос летнаб и отпустил тросы.

Замфир знал, что сейчас будет с его невестой. Когда бомба упадёт, осколки вобьются в её спину и сломают позвоночник. В полудрёме перед сном он в мечтах проводил пальцами по ложбинке между лопатками и думал, есть ли у неё родинки? Должны быть, он видел одну за левым ухом, ещё одну — у ложбинки под шеей. Он бы целовал их все по очереди, но теперь всё это останется несбывшейся мечтой. И ты у него забрали сербский террорист и несколько коронованных забияк. А завтра они должны были танцевать: он во фраке с длинными фалдами, она — в белом ворохе кружев, положив изящную руку с обручальным кольцом ему на плечо.

«Надо порепетировать,» — подумал он.

Из-под фальшивой насквозь весёлости воплем рвался выжигающий душу ужас. «Я трус, я не смогу!» — кричал себе Василе, но сделал простое движение: обнял, прижал к себе непонимающую Виорику. За ним второе: на два такта развернул её в обратную сторону, как в свадебном танце, которого уже не будет. В глазах невесты появился ужас: оглошшая, она не слышала рокот авиационного мотора, а сейчас увидела аэроплан, почти нависший над головой Замфира. Ужас сменился недоумением, когда Василе сделал третье движение. Он толкнул Виорику, и она полетела на землю.

Замфир стоял над ней, как победитель над жертвой, широко расставив худые ноги в перепачканных кальсонах. Он улыбался, улыбка на чумазом лице казалась свирепым оскалом. Никогда он не был так красив, никогда Виорика не любила его сильнее, чем в этот миг. За спиной от аэроплана отделилась бомба и полетела вниз. Виорика в панике уткнулась в землю, закрылась руками. Замфир ждал, когда в его голую спину ударят куски раскалённого железа, и думал, как долго он будет чувствовать боль. Оказалось, недолго.

Волна горячего воздуха бросила его вперёд, с ней в тело впились обломки раскалённого металла. Первый крупный осколок милосердно перерубил позвоночник. Боль взорвалась и пропала бесследно. Виорика полетела к нему, рывками, пока

запоздалые осколки рвали уже нечувствительное тело. Замфир упал. Последним, что он видел перед тем, как погас свет, была родинка за ухом.

Маковой больше не следил за дочерью. Всё, что он мог сделать — сделал. Доковывать до них он не успел бы. Когда жизнь загоняла в угол, Маковой прятался, выходил Маку Сечераторулу. Тот не испытывал жалости и не чувствовал боли. Аэроплан приближался. Из гондолы высунулся лётчик. Маку взял его на мушку, но было ещё слишком далеко. Раздался взрыв. Глаза застила пелена. Маковой с звериным рыком тряхнул головой, смахивая слёзы, и выпустил воздух.

Аэроплан проплывал перед ним очень медленно, будто киномеханик устал крутить ручку проектора. Маку выбрал свободный ход курка, взял упреждение на ветер и скорость аэроплана. Германец гордо стоял на носу гондолы перед опущенным пулемётом. Когда его туловище на волосок приблизилось к черте прицела, Маку выстрелил. Цель исчезла. Очнулся механик, завертел рукоятку. Аэроплан унёсся к немецким позициям. На открытой площадке перед носовой турелью в луже крови лежал летнаб. Пуля кишинёвского бандита Маку Сечераторула пробила ему сердце.

Маковой положил бесполезную винтовку. Он отомстил и узнал, что месть пуста и безвкусна, ей не насытишь горе. В этом выстреле не было смысла, Маковой сделал его сам, Сечераторулу не помог. Упершись кулаком в землю, он неуклюже встал и отряхнул штанину от пыли. На крыльцо вышла Амалия. Она до боли закусала губу. Молча, глазами спросила мужа — издай она хоть звук, и горе сломает волю.

— Сиди тут, — сурово сказал Маковой. — Виорика жива. На остальное тебе смотреть не надо.

Амалия опустила на ступеньку и тихонько завывала. За пригорком, с которого Замфир считал вагоны, у разбитой стрелки с рухнувшим семафором сидела Виорика. Как ребёнка, она держала на руках жениха.

— Василе! — кричала она. — Василе! Василе!

Будто могла докричаться туда, куда он ушёл. Она гладила его, руки размазывали кровь по спине. Когда пальцы наткнулись на торчащий осколок, Виорика запрокинула голову и заорала — истошно, хрипло, отчаянно.

Маковой попытался стянуть труп с дочери, но она забилась, обхватила мёртвое тело руками. Такая страшная и жаркая ненависть горела в её глазах под спутанными, седыми от пыли волосами, что Маковой смутился. Он тяжело опустился на землю и вытянул больную ногу. Виорика качалась, вжимая Василе в себя, будто пытаясь вобрать без остатка, а отец терпеливо ждал, когда дочь устанет.

Замфир становится чистым

Через час Амалия привела сельского жандарма. Он осмотрел повреждённые пути, мельком глянул на мёртвого и брезгливо отвернулся. Маковой запер Виорику в комнате, а жену услад в Чадыр-Лунгу к отцу Софронию. После жаркого обсуждения на кухне жандарм ушёл нетвёрдой походкой, но в прекрасном настроении. Маковой, напротив, загрустил.

Он зашёл в комнату Замфира и долго рылся в его вещах, копался в ящиках, обшаривал оклады икон. Вернулся к чемодану. Ножом подцепил оббитую ситцем фанерку на дне. Под ней лежали тонкие пачки леев, медальон на золотой цепочке и печатка с драгоценным камнем. Маковой усмехнулся: Замфир боялся, что такие бедные простолюдины, как Сырбу, обворуют его.

«Ну, тебе это больше не понадобится,» — подумал он и распихал деньги по карманам. Покрутил у окна перстень, перешёл к настольной лампе и осмотрел его при электрическом свете. Довольно хмыкнув, Маковой замотал его в платок и сунул за пазуху. После закрыл опустевший тайник, аккуратно разложил вещи, медальон бросил сверху — особой ценности он не имел. Денег было не слишком много: меньше двадцати тысяч леев. Перстень — другое дело: камушек он узнал: встречал такие в богатых еврейских домах.

В комнате Виорики было тихо. Маковой налил в кружку молока, налил в миску остывшей чорбы. Отпер дверь и вошёл в спальню. Дочь лежала на кровати. К вошедшему отцу она даже не повернулась. Он поставил еду на стол и сел на край постели.

— Дочка, я принёс поесть, — Маковой положил ладонь на руку дочки. Она не вздрогнула, не отёрнула — медленно вытянула кисть из-под его пальцев. Красные сухие глаза, не отрываясь, смотрели в потолок. — Я тоже скорблю... — Виорика шумно выдохнула через нос, но ничего не сказала, и Маковой осёкся. — Правда, я не желал ему смерти. Да, он мне не нравился, но раз его выбрала ты... — Слова не шли. Он взял в руки миску, зачерпнул ложкой. — Дочка, сядь повыше. Давай я тебя покормлю. Как

в детстве, помнишь? Папэ-папэ, папэ-папэ, дай кашу на лопате...

Виорика зажмурилась, ресницы задрожали, слеза, крупная, как бриллиант на её обручальном кольце, скатилась на подушку.

— Уйди... — дыхание перехватило, и Виорика с трудом выдавила: — Пожалуйста!

Всё тело затряслось в рыданиях, которые она больше не могла сдерживать. Маковой встал и молча вышел. Лязнул ключ в замочной скважине.

Когда Амалия вошла в кухню, Маковой сидел за столом, угрюмо глядя в полный стакан с ракией. Он поднял глаза на жену.

— Ну что?

— Ох, не знаю, — сказала она, тяжело опускаясь на стул. — Была на кладбище. За место для могилы, да яму, да крест такие деньги требуют. Рвачи некрещёные!

— Тут похороним! — Маковой сделал глоток. Амалия поставила перед ним кружку:

— Налей мне тоже, — он молча отлил половину, и жена села напротив. — Дурная это мысль, Макушор. Каждый день дочка будет могилу любимого видеть. Погребли бы на кладбище в Чадыр-Лунге, чтоб глаза не мозолил... Бедный Василе... — всхлинула Амалия и вышла до дна, как простую воду.

— Потерпит! Надолго мы тут не задержимся. Надо на запад идти.

— Совсем сдурел? Там немцы!

— А что нам немцы, Малица? Сама подумай!

— Ну, не знаю, — с сомнением покачала она головой. — Там война.

— Тут тоже. На двор посмотри, — Маковой подлил ей ракии, обошёл стол и, обняв жену за плечи, прошептал ей: — Доверься мне, как поверила в прошлый раз, когда мы из Бессарабии бежали.

— Устала я бегать, Макушор, — вздохнула Амалия. Маковой сунул ей кружку в руку.

— Пей, Малица. — Маковой поцеловал жену в растрёпанную макушку. — Скоро отдохнём.

Проводы Замфира

Вечером Амалия заглянула к Виорике. Чорба и молоко, которые принёс отец, остались нетронутыми. Она потрясла дочку за плечо.

— Хватит валяться, пролежни будут, — сказала она со сварливой заботой. — Встань, пожалуйста, мне помощь твоя нужна, — не дождавшись ответа, пошла к двери. — Что ж, справлюсь без тебя. Пойду жениха твоего обмывать перед похоронами.

— Не смей! — глухо сказала Виорика. — Сама обмою, — скрипнули пружины, она встала, закуталась в платок. — Только уходите, оба. Не хочу вас видеть.

Посреди пустой конюшни, под тусклой лампочкой Маковой собрал стол из старых козел. Ничком уложил на него Замфира. Выдернул осколки из спины — те, что торчали — и сбросил в таз под ногами. В большом корыте развёл тёртое мыло в тёплой воде. Живым Замфир вызывал у него раздражение, но безнадежный и бесполезный трус в минуту смертельной опасности спас его дочь, а сам погиб.

— Спасибо, — неожиданно для себя сказал вслух Маковой и пригладил мёртвому волосы на затылке. Пальцы наткнулись на острое ребро, и он выдернул ещё один осколок из черепа. Плакать по сублейтенанту Маку не стал бы: германец просто сделал его работу, хоть до срока и не вовремя. Последний кусок окровавленного железа зазвенел в эмалированном тазу. Морщась от боли в раненой ноге, Маковой перевернул тело Замфира на спину.

На освещённое крыльцо вышли его жена и дочь. Амалия попыталась обнять Виорику, но та сбросила её руки. Маковой покачал головой и, с тазом в руках, вышел из конюшни. Угрюмо глядя перед собой, грузной походкой прошагал он мимо и скрылся за углом.

Амалия сделала ещё одну попытку.

— Доча, давай лучше я, а ты иди, поминки готовь пока... — попросила она. Виорика упрямо дёрнула головой и спустилась вниз. У входа в конюшню она встала. Ноги не шли, глаза не смотрели. За спиной раздалось умоляющее: — Доча...

— Иди готовь, мама, — устало сказала Виорика и шагнула внутрь.

Она подошла к столу. Замфир лежал перед ней в святом бесстыдстве мертвеца. Кости выпирали сквозь бледную кожу, обескровленное лицо казалось старым и совсем непохожим на её любимого. Не Василе — восковая кукла, слепленная неумелым скульптором. Её Замфир стоял над ней, широко расставив ноги: молодой, гордый, храбрый, красивый. Это он снился ей во снах задолго до того, как появился в их доме. От его лица, его чёрных глаз она просыпалась по ночам с оглушительно бьющимся сердцем.

Она знала его полгода. Видела грустным, растерянным, надменным, испуганным, с мольбой в глазах. Все эти лица расплылись и стёрлись, словно и не было их. Осталось одно: бесстрашное, в пыли и саже, с кривой и дерзкой улыбкой. Только оно было настоящим.

Виорика положила руку ему на живот. Кожа была похожа на холодную резину. Пальцы впервые касались его тела наяву. Всё не так. Завтра никто не будет держать венцы над их головами. Не будет его смущённого взгляда за тёплым пламенем свечи, он не расстегнёт пуговицы свадебного платья, не случится то, чего она желала, боялась и оттого желала во сто крат сильнее. Не будет ничего. Завтра Замфир ляжет в гроб, а не в её постель. Отец Софроний затынет отходную, мать заплачет, отец фальшиво изобразит скорбь.

Виорика взяла чистую тряпку и окунула в поилку. Выжала воду на грудь. Она весело заструилась по телу, пробивая дорожки в пыли. Правда в том, что на столе — не её жених, а безжизненное тело, мертвец. Мертвецов не любят. Её любимый остался стоять на дворе под покосившимся семафором, широко расставив ноги и улыбаясь ей.

Виорика смыла чистой водой грязь, взяла новую тряпку и окунула в мыльную воду. Тщательно натёрла кожу, поднатужилась и перевернула тяжёлое и скользкое тело Замфира. Вымыла спину, ощущая пальцами сквозь тряпку широкие рубцы и почти не запинаясь на них. Мыльной воды было очень много, а слёз слишком мало, чтобы их можно было заметить. Когда закончила, поцеловала в холодный лоб и ушла. Она желала этого тела живым, а мёртвым оно было не нужно — Василе, любимого, в нём больше нет.

Когда Маковой с пустым окровавленным тазом поднялся на крыльцо, Амалия молча протянула ему гвоздодёр. Он нехотя вытащил гвозди, которыми заколотил оконную раму в спальне Виорики. Под тяжёлым взглядом жены отдал ей ключ и поплёлся ужинать. Амалия разожгла печь и поставила запекаться гуся, залила фасоль и чечевицу в двух больших кастрюлях. В четыре руки они напустили картофеля. Пока Амалия ставила опару, Маковой разлил ракию. Пустой и больше ненужный пузырёк из-под специй всё ещё лежал в его кармане. Амалия посмотрела на мужа с укоризной, но упрекать не стала. Быстро обжарила на сковороде кырнэцеи — колбаски, которыми она кормила мужа ещё в родном Кишинёве, и поставила на стол.

— Не хочу ни о чём думать, Макушор, — сказала она и протянула кружку. Муж глухо стукнул по ней своей.

Они пили горькую настойку и заедали острыми колбасками. Время от времени Амалия поднималась, чтобы умять пухнущую опару. Садилась и вновь прикладывалась к кружке. Дочь, моющая мёртвое тело любимого в канун не случившейся свадьбы, не давала ей покоя. Амалия пыталась заглушить боль ракией, но та лилась, как вода, оставляя лишь ореховую горечь во рту.

Усталость взяла то, чем побрезговал алкоголь. Трещала пыль, сгорая на стеклянном боку тусклой лампы, её жёлтый цвет мерцал в глазах. Кружка тяжелела, а опара лезла всё сильнее, и Амалия уже думала: а не чёрт бы с ней? На самом деле, кому нужны её старания? Замфиру — уже нет, Виорике — вряд ли она заметит, что какого-то привычного кушанья не хватает. Она кивала мужу, муж кивал ей. Опрокидывали, крикнув, жгучий напиток в глотки и наливали по новой.

Настал момент — он всегда наступает, когда выпил достаточно много — когда кажется, что какой-то незначительной мелочи, пустячка, не достаёт до полного понимания сути.

Амалия задала вопрос — Маковой увильнул. Амалия повторила — Маковой налил.

— Пей! — сказал он.

— Сначала ответь! — настаивала она.

Маковой выставил на стол маленький флакончик, остро пахнущий пряностями.

— Я его искала, — удивилась Амалия.

— Подходящий размер, — объяснил Маковой и разлил ещё. — Морфий, — уточнил он, будто Амалия не понимала самых простых вещей.

— В ракию?! — та с подозрением понюхала свою кружку.

— Дура, что ли? Жены-морфинистки мне для полного счастья не доставало! — Маковой, сокрушённо качая головой, поменял кружки. — Пей из моей!

— Но зачем?!

— Чтоб раньше свадьбы не сбежал!

За дверью кухни, затаив дыхание, стояла Виорика. Когда разговор затих, она на цыпочках проскользнула в свою комнату и плотно закрыла дверь.

Утром в бричке приехал отец Софроний, огромный и грузный, как и полагается пастырю, окормляющему самый жирный плас в Кагульском жудеце. Он принял поданную Маковой руку и сошёл на землю под благодарный стон рессор. С рассвета Маковой из первой воронки у путей сформовал вполне привычную для могилы яму.

Софроний удалился в спальню Сырбу и сменил дорожную рясу на подобающее одеяние. Надел наручи, положил через плечо расшитый золотом орарь. По спешно утрамбованной земле подошёл к краю могилы и затянул нараспев:

— Владыко Господи Боже наш, Твоею благодатию и Твоим человеколюбием сподобивый мя недостойного приити в дом Твой святыи и предстати Престолу славы Твоея, молю Тя, Господи, освяти место сие...

Низко вдоль путей пролетела аэроплан с бело-сине-красными кругами на плоскостях. Треск его мотора заглушил остаток молитвы, да не для стоящих рядом людей эти слова предназначены, а Господь услышит. Отец Софроний перекрестил наотмашь, помазал елеем — можно хоронить.

Амалия увела духовное лицо позавтракать. Маковой щедро налил своей настойки, потом ещё подлил. Сановнику такого веса два стакана — что слону дробина. Батюшка причмокивал полнокровными губами и ласково улыбался Амалии. Виорика, дочка Маковеева, тоже хороша была, но уж больно худосочна на искушённый пастырский взгляд.

В гроб положили планшет и карандаш.

Поверх савана — икона.

Молодая яблонька — невеста, украшена нитками и калачами. Срубленная, стоит в песке в ведре у могилы.

Подошёл Лазареску со своей супругой, напоминающей германского фельдфебеля. Мясник Аурел с женой и дочерью принёс пятифунтовый окорок и связку колбас в знак скорби. Господин сельский жандарм привёл жену, матушку, двоих румяных сыновей и племянницу из Хунедоары выразить соболезнования. Подходили другие жители Казаклии — развлечений в селе было слишком мало, чтоб пренебречь похоронами. Каждый получил по стакану вина и свечке. Они по очереди заходили в спальню Замфира, слишком тесную для громоздкого гроба, бочком протискивались между покойным и кроватью. Жених лежал в гробу в серых саржевых брюках и чёрном фраке с длинными фалдами. В руках, сложенных на груди, горела крестообразная свеча. Гости склоняли скорбные лица над покойным и уходили, уступая место следующим любопытствующим.

«Такой молодой!» — говорили мужчины.

«Такой красивый!» — вздыхали женщины.

«За день до свадьбы!» — сокрушались все и искали глазами Виорику. Не невеста, не вдова, девушка с сухими потемневшими глазами сновала между кухней и конюшней, накрывая на стол — домик их был слишком мал, чтоб вместить всех. Когда длинные столы были накрыты, Маковой увёл отца Софрония на кухню и плотно затворил дверь. Их разговор был не для посторонних ушей...

— Брак совершается на небесах, сын мой, я — лишь свидетель сего таинства! — приглушённо гудел отец Софроний.

— Оставим небесам небесное, бабушка, я не о том вас прошу! — хрипло шептал Маковой. — Не надо венчать мертвеца, просто запись в приходской книге сделайте, а мне — справочку.

— Да как же можно, сын мой? — возмутился Софроний. — А свидетели? Всё ваше село видело, что жених безвременно усоп до свадьбы!

— А селу о том знать необязательно! Не их это дело.

Маковой подлил ещё ракии. Батюшка опрокинул, сунул квашеный огурец под мокрые усы и блаженно улыбнулся, но твёрдости не потерял. Маковой пожалел уже, что не наполнил загодя пузырёк морфием. Глядишь, отец Софроний стал бы попокладистей.

— Батюшка, не для себя прошу ведь. Любили они друг друга, жить не могли. А что ж теперь? Разве дочь моя виновата, что германская бомба лишила её жениха за день до венчанья?

— Ну погорюет и перестанет! На всё воля Божия! — беззаботно пожал плечами Софроний и потянул носом. — Гусём печёным тянет. Не подгорит ли? — озабочился он.

— Не подгорит, бабушка. С ночи глиной замазанный в печи томится. Не желаете ли отвезать?

— Ох, змей-искуситель, — погрозил Софроний Маковой мягким пальцем. — Ну, давай неси. Для дел богоугодных надо поддерживать тело брэнное во здравии. И себе кусочек положи, — Маковой вернулся с миской, полной смуглых, волокнистых ломтей, исходящих паром. — Благодать, — протянул Софроний. Маковой достал новую бутылку, вопросительно посмотрел на бабушку и, после его кивка, налил ещё по кружке. Свою чуть пригубил — за высоким гостем в искусстве питья Маковой было не угнаться. — А что ж ты так хлопочешь, раб Божий? Неужто свершила дочь твоя грех прелюбодеяния и теперь, значит, на сносях?

Маковой воровато оглянулся на дверь и тихо зашептал в широкое лицо пастыря:

— Стыдно сказать, батюшка, но свершила. Как ребёночку потом жить, вне брака зачатый? Не губите, отец Софроний, помогите!

— Не пойму я, Маковой, чем это тебе поможет, когда дочь твоя с брюхом ходить будет. В селе и так знают, что свадьбы не было.

— Да Бог с ним, с селом! — Маковой поймал осуждающий взгляд жующего Софрония и виновато перекрестился: — Прости, Господи! Уйдём мы, батюшка, уедем отсюда, а бумага мне нужна, чтобы ребёночек был в браке рождённый, а не байстрюк безродный. Для людей, не для Бога, Бог-то и так всё знает.

— Не знаю, Маковой, не знаю. На великий грех ты меня толкаешь. Не только на грех, но и преступление. Подложные документы справить, ишь чего удумал!

— Батюшка, война всё скроет! Вы только бумагу мне выдайте и запись в книге сделайте! Я тут поднакопил немного денег, как раз хотел на церковь пожертвовать, а в Чадыр-Лунгу съездить всё некогда. Может, возьмёте за труд, примете, да сами в ящик для пожертвований опустите?

Софроний послунял пальцы и зашуршал бумажками. Пересчитав, нахмурился:

— Какою мерою мерите, такую отмерено будет вам! Грех перед Богом, преступление перед законом, а тут и двадцати тысяч нет...

— Господи, батюшка, ну нет у меня больше ничего! Всё, что есть, отдаю!

— Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное! Довольствуйся тем, что имеешь, а Господь не попустит: сохранит и дочь твою, и отпрыска её.

Маковой, сдержав горестный вздох, полез за пазуху и достал платок.

— Вот, батюшка, не побрезгуйте.

Софроний подцепил пальцами вычурный перстень с крупным камнем, поглядел на свет.

— Александрит, — сказал он с уважением. — Царский камень. Достойная жертва, Маковой. Чую сердцем, молюба твоя услышана. Ведь кто я? Смирный раб Божий, глашатай Его воли. Приходи завтра в храм, дам тебе твою бумагу.

— И в приходскую впишете?

— Впишу. Только молчок, чтоб никому! И уезжайте отсюда поскорее!

— Уедем, батюшка, в ближайшие дни, — Маковой замаялся. — Отец Софроний, если перстень вас удовлетворил, может, вернёте деньги?

— Жертва Богу — дух сокрушенный, деньги — пустое! — отрезал Софроний. — Пойдём, сын мой, предадим брренное тело земле. Царствие ему небесное!

Вчетвером: Лазареску, хромой Маковой, Амалия и мясник Аузел — они вынесли гроб из дома. Перед ними шёл отец Софроний с большой свечой. Под ней, в такт его шагам, болталась завязанная в платок монетка. До могилы было едва две сотни шагов, но священник сделал все семь полагающихся остановок, как Спаситель, поднимающийся на Голгофу.

У могилы Маковой поставил срубленную молодую яблоньку, украшенную разноцветными нитями — такой теперь была невеста сублейтенанта. Закрыв лицо покойному саваном, положил на грудь дешёвую иконку. Амалия воткнула сбоку планшет с карандашом. Тоненько завывла незнакомая женщина, за ней другая. Дородная баба в добротной овчинной шубе упала на колени у гроба и зашлась в рыданиях. Крупные слёзы покатались по багровым щекам. К ней присоединились другие плакальщицы. Амалия сморгнула наворачившуюся слезу, Маковой отвернулся, а Виорика стояла с сухими щеками — все слёзы, что были ей отпущены на всю жизнь, она уже выплакала. В глазах было чёрное горе и гнев, да брезгливо кривились губы, но никто этого не видел.

На поясах опустили гроб в могилу. Отец Софроний перекрестил землю, плеснул елей. Пока читал поминальную молитву, гости кидали в могилу мелкие монетки и платки. Маковой с Аузелом взялись за лопаты, плакальщицы вытерли слёзы и чинно проследовали с остальными гостями к столу.

Амалия понесла на стол горячее: плачинты, жареную говядину с черносливом, суп чорба, запечённого гуся с надрезанным боком. Маковой выставил ракию и вино. Виорика выйти к столу отказалась. Когда дом опустел, она вошла в комнату Замфира, закрыла дверь и легла в его кровать. Уткнулась носом в подушку, ещё пахнущую им, завернулась в одеяло с головой. Виорика вдыхала его слабый запах, но он помогал не больше, чем утоляет голод нарисованная на вывеске голяшка.

Поздно ночью, когда гости разошлись, Маковой заглянул в спальню, но дочери там не оказалось. Он нашёл её в спальне Замфира. Хотел разбудить, но Амалия за локоть вытащила его в прихожую и закрыла дверь.

— Не трогай её! — шепнула она и утащила мужа на кухню.

— Неужели такая сильная любовь? — изумился Маковой, копясь пальцами в остатках гуся.

— Удивляюсь тебе, Макушор. Умным кажешься, предусмотрительным, а то, что под носом — не замечаешь. Первая любовь у нашей дочери: самая крепкая, самая страстная, и с таким горьким концом... А ты ведёшь себя, как слепой болван!

Рано утром, до петухов, босой Маковей прокрался в спальню Замфира. Виорика лежала так же, замотавшись с головой в одеяло. Маковей забеспокоился, склонился над дочерью, но услышал лёгкое дыхание и облегчённо выдохнул. Он осторожно выдвинул ящик стола и достал оттуда нарисованный портрет сублейтенанта. Среди обломков рухнувшего семафора нашёл железку подходящего размера. Вытащил в сарае стекло из слухового окошка. Замесил глины...

Утром Амалия подняла Виорику и чуть не силком заставила поесть. Дочь подчинилась. Ела и пила, не чувствуя вкуса. Всю прошлую ночь, между короткими беспросветными снами, она глядела в душную темноту, вспоминала подслушанный разговор и думала. Теперь всё стало ясным, только от такой ясности слепнут. Её жених убит осколком германской бомбы. Виорика ненавидела руку, сбросившую её, пыталась представить убийцу Василе: рисовала надменно торчащий подбородок, усы колыями, шлем с острым, как пика, навершием — весь будто из шипов собран, но облик этот стекал, как клоунский грим, а из-под него выглядывало круглое лицо Маковей.

После завтрака Амалия всучила Виорике кружку с ракией и миску с плачинтами.

— Пойдём, дочь, помянем Василе, — сказала она.

Они вышли во двор. Маковей, увидев их, скрылся в конюшне. Из свежего могильного холмика торчал крест. Перед ним в землю был воткнут неровный кусок железа, обмазанный глиной. Под стеклом — карандашный рисунок, который Виорика никогда не видела. Острыми, смелыми штрихами неизвестный художник изобразил её любимого. Он сидел, расставив острые колени, усталый и грустный, со скорбно вздытыми бровями. Виорика коснулась пальцами холодного стекла и повернулась к матери:

— Он же не такой...

— Он такой, каким его помнишь ты, дочка.

Амалия обняла дочь и поцеловала в макушку, на этот раз Виорика вырываться не стала. Маковей стоял в тёмной конюшне и смотрел на них. Он не мог забыть жгучей ненависти в глазах дочери.

Из Тараклии прибыл паровоз с ремонтной бригадой. Они провозились до вечера. Маковей постоянно дёргали: то подсобить, то воду открыть, то костёр для обогрева разжечь. Амалия хлопотала по хозяйству — кормила железнодорожников. Виорика помогала матери. Раз, нагнувшись за упавшим половником, она заметила у ножки стола пустой пузырёк с притёртой пробкой. Хотела сказать Амалии, но осеклась и сунула в карман.

Прошла неделя. Телеграф давно умолк, оповещений о проходящих эшелонах больше не приходило, да и отчётов никто не требовал. Маковей догадывался, что в штабе царят бардак и паника. После падения Бухареста ситуация ухудшалась стремительно. Шестая русская армия ещё пыталась в ожесточённых боях удерживать позиции в Добрудже, по другим направлениям отступление превратилось в паническое бегство.

Как скоро война докатится до пока мирной Гагаузии, Маковей не знал. Пушки ещё не грохотали, но появились мародёры. Дезертиры сбивались в шайки и грабили уединённые дома. В города заходить пока опасались. Амалия, куда б ни шла, брала с собой старую охотничью двустволку. Маковей не выпускал винтовку из рук.

Отец Софроний не обманул: вписал в приходскую книгу запись о венчании раба Божьего Василе Замфира и рабы Божьей Виорики Сырбу и выдал венчальное свидетельство. Можно было б уезжать, но батюшка с сельским жандармом опустошили Маковеевы запасы подчистую.

Обручальные кольца Маковей у дочери забирать не стал. Когда узнал, что за них Амалия отдала еврейские серьги, которые он подарил ей на годовщину свадьбы, аж в глазах потемнело, но сдержался. Молча забрал у жены ружьё и дал ей винтовку, из которой убил германского лётчика.

Мрачный, как грозовая туча, он заперся в сарае. Смахнул с верстака снег: в окно дул студёный ветер. Стекло из него теперь защищало от непогоды рисунок на могиле Замфира. Закрепив ружьё в тисках, ножовкой отпилил ему дуло почти по самое цевьё. Из старой рукояти, обрывка цепи и грузила собрал кистень. Покрутил им в воздухе и довольно усмехнулся: руки помнят, и сноровку он не растерял. Как стемнело, ушёл, вернулся перед рассветом. Амалия спрашивать не стала. Многие знания — многие печали. Сейчас ей хотелось двух вещей: как можно скорей сбежать отсюда, и чтобы этот побег был последним в их жизни.

В обед зашёл Лазареску, принёс свежую газету. В окрестностях Чадыр-Лунги появилась банда мародёров. Городская стража поделаться с ними ничего не может, жандармов в городке не осталось. Примар напечатал листовки с призывом к горожанам

вооружиться и не покидать дом в тёмное время суток — это было всё, на что способны городские власти.

— А что в Бухаресте, не слышал? — спросил его Маковей.

— А что в Бухаресте? Где немцы — там порядок, — он сокрушённо покачал головой.

— Больно говорить такое, но нас бросили на произвол судьбы. Маковей, господин сельский жандарм собирает в Казаклии самооборону. Пойдёшь?

— Да куда мне, — вздохнул Маковей, вытянув раненую ногу. — Я едва десять шагов пройти могу.

Лазареску удалился. Стемнело. Маковей вышел из дома. В сарае подцепил к тулупу изнутри обрез, засунул за пояс кистень. Не было его почти всю ночь, вернулся до рассвета. Прокрался на цыпочках в спальню, зажал Амалии рот и приложил палец к губам. Она испуганно моргнула. Он стянул штаны, рубаху с кожаной поддёвкой.

— Застирай побыстрее и повесь у печки сушиться. Вечером, как стемнеет, уедем.

Морщась от медного запаха подсыхающей крови, Амалия унесла одежду. Когда вернулась, Маковей спал. Она обшарила его тулуп. Карманы были набиты драгоценными украшениями. Изнутри, грубыми стежками была подшита лошадиная торба, набитая пачками денег. Среди них пальцы наткнулись на свёрнутый носовой платок. Она осторожно его развернула и ахнула: это были её серёжки, только вместо кроваво-красных рубинов под первыми лучами солнца переливались крупные бриллианты.

Амалия свернула платок и сунула обратно. Положила тулуп там, где Маковей его сбросил. Посмотрела на спящего мужа — его крепкое тело как будто вырубил топором из ствола дуба, тёмная кора курчавилась седоватым мхом, узловатые пальцы без труда ломали кости. Не человек — Приколиче, злой лесной дух.

Полжизни Амалия прожила с ним: любила безумно, любила спокойно, злилась, ругалась, мирилась, всё равно любила. Она знала, что он не причинит вреда ни ей, ни дочери, но никогда не забывала, как он опасен. Всё равно что живёшь с ручным медведем: живёшь и молишься постоянно, чтоб зверь не обезумел. Амалия знала, что иногда лучше воздержаться от расспросов, и сейчас снова пришло такое время. Она прикрыла дверь в спальню и пошла готовить завтрак.

Прощение Замфира

К обеду прибежал возбуждённый Лазареску.

— Маку, дружище, ужасные времена настали! — закричал он с порога, размахивая газетой.

— Что случилось, Йосеп? — зевая, спросил Маковей.

— Ночью мародёры ворвались в дом ювелира. Ограбили магазин, вырезали всех, никого не пожалели, даже маленькой внучке голову разбили!

— Ты смотри, ужас какой! — покачал головой Маковей. — Дай-ка посмотрю.

Он развернул «Чадыр-Лунгский вестник». Всю первую полосу занимало живописание учинённого погрома и зверства, с каким бандиты расправились с уважаемым членом общества господином Аароном Гинзбургом и его семьёй. Репортёр отметил, что сейф взломать злоумышленникам так и не удалось, и со злости налётчики топором порубили паркет в мастерской ювелира. Маковей едва сдержал смехок.

— Спрячь, — он сунул газету Лазареску, — и Амалии — ни слова. Не надо её пугать. Она и так места себе не находит.

— Конечно-конечно, — понимающе покивал Иосиф. Он бросил робкий взгляд на буфет за широкой спиной Маковей. Сырбу с радостью бы выпроводил сейчас незваного гостя, но от ночного приключения на него накатило давно забытое чувство вроде счастливой усталости от бурной и страстной любовной встречи. Он понимающе улыбнулся и достал вожделенный штоф. В кухню вошла Амалия, недовольно посмотрела на бутылку в руках мужа, но сдержалась: решила, что до того самого момента, когда они окажутся в безопасности, будет молчать и делать всё, что скажет Маковей. Только они сели за стол, в дверь постучали. Не дожидаясь ответа, в дом вошёл молодой офицер в чёрной кожаной куртке с меховой опушкой.

— Здравствуйте, господа, — сказал он по-французски с рокочущим прононсом. — Простите, но румынским не владею.

— Говорите по-русски, господин штабс-капитан, — отозвался Маковей, разглядев его погоны. — Что позабыли в нашей глуши?

Офицер снял фуражку и пригладил русые волосы.

— Штабс-капитан Сабуров, Константин Георгиевич, — представился он.

— Фрунташ Маковей Сырбу.

Мимо Сабурова протиснулась Виорика и села на стул возле Лазареску, подальше

от отца.

— А вы, надо полагать, тот прелестный цветок, что прятал от меня Замфир... Его невеста? — спросил он. Виорика молча отвернулась. Ничуть не смутившись, Сабуров повернулся к хозяйке. — Госпожа Амалия, у меня не было случая выразить восхищение вашими кулинарными талантами. Если вы накормите путника, возвращающегося с фронта, моя благодарность не будет знать границ. А вы, прошу прощения?

Лазареску, хоть не знал ни слова по-русски, понял, что надо представиться.

— Иосиф Лазареску, коммерсант, к вашим услугам, — приподнявшись со стула, представился он по-французски. То, как свободно Маковой говорит на этом грубом языке, стало для галантерейщика сюрпризом.

Амалия налила гостю полную миску чорбы. Сабуров был ужасно голоден. Относительный порядок на фронте, как оказалось, не распространялся на войсковые эшелоны. На север он ехал румынским составом. Половина окон в вагонах была разбита, половина вагонов оказалась теплушками для скота. О горячей еде и речи не шло, хуже того: эшелон отправился в путь, не дождавсь обоза с сухими пайками. На станциях, где они останавливались, не достать даже кипятка, а редкие буфеты были заколочены досками. К Казаклии штабс-капитанские кишки играли бравурные марши. В прошлый раз Сабуров проехал платформу без остановки и так и не навестил друга Васю. Сейчас глас совести удачно совпал с воспоминанием о стряпне госпожи Амалии, и пустой желудок выдал громкое крещендо. Сабуров, прихватив саквояж, на ходу спрыгнул с поезда.

Утолив первый, самый страшный голод, Константин оторвался от супа и спросил:

— А где же мой друг, сублейтенант Замфир? Или его перевели в другое место?

— наступила тишина. Амалия отвернулась к печи, Виорика разглядывала занавески, Маковой буравил взглядом жидкость в своём стакане. Лазареску подскочил и, суетливо извиняясь, ретировался. Сабуров положил ложку и повернулся к Маковой. — Господин Сырбу, что-то случилось?

— Погиб Василе, неделю уж как... — глухо сказал тот, не поднимая глаз. Амалия еле слышно всхлипнула.

Сабуров обвёл растерянным взглядом семейство Сырбу — все прятали взгляды. Амалия глубоко дышала, чтобы не разреветься. Виорика смотрела сухими глазами в сторону, но он заметил, как сильно, до побелевших пальцев, сжались её кулачки.

Константин достал из саквояжа бутылку шустовского коньяка, её всучили ему в Севастополе перед отъездом штабные знакомцы. Отвращение к виноградным алкогольным напиткам штабс-капитана так и не покинуло, и провозил он эту бутылку мёртвым грузом. Может, вовсе стал бы трезвенником, не наладь один казачий вахмистр из obsługi аэродрома производство картофельного самогона. Вначале для технических нужд, потом, по просьбе офицеров, занялся перегонкой, очисткой и настаиванием. На выходе получалась амброзия, не многим уступавшая Смирновской.

Сабуров достал из кожаного чехла походные серебряные рюмки.

— Помянем. Упокой, Господи, его душу грешную, — сказал он, разливая коньяк.

Они выпили молча. Амалия, пригубив, поцокала восхищённо языком:

— Тринадцать лет не пила коньяк, — сказала она. — Как из Кишинёва уехали...

Маковой злобно зыркнул и пнул её по ноге под столом. Амалия вздрогнула и, опустив глаза, торопливо допила. Это не укрылось от любопытного взгляда Сабурова.

— Поверить не могу, господин Сырбу, что Васи больше нет. Как так вышло? В глубоком тылу, вдали от фронта...

— А вы, господин штабс-капитан, не видели воронки возле путей?

— Не обратил внимания: бежал, спешил повидаться с другом.

— Германский аэроплан сбросил три бомбы, повредил пути. Одна из них убила Замфира.

— Он меня спас! — тихо сказала Виорика. — А сам погиб...

Она говорила по-русски свободно, но в её речи чувствовался сильный румынский акцент. Сабуров прикинул: когда Сырбу уехали из Кишинёва, девице было лет пять, не больше. Тринадцать лет назад... Год 1904 или 1903... Кишинёв. Что-то кружится в голове, а что? Мелькает смутной тенью в памяти, и никак не удаётся ухватить это воспоминание за хвост.

— Господин Сырбу, а нет ли у вас горячительных напитков без винограда? Поминать лучше водкой, но тут её, наверное, не сыщешь?

— Ну почему нету? Есть. Есть чистая, от казённой не отличите. Есть настоящая на травах, на перепонках грецкого ореха. Такой прекрасный коньяк, а вы самогону захотели? — усмехнулся он.

— Ну вот его и пейте, весь вам оставлю, а мне давайте чистой, — Маковой достал из буфета бутылку и поставил перед гостем, коньяк пододвинул к себе. Сабуров вынул пробку, понюхал и понимающе покачал головой. — А вы дока! Чистейший продукт.

Вижу, Русь-матушка не отпускает. Тоскуете по родине?

— Моя родина там, где я живу, — помрачнел Маковой. — Господин штабс-капитан, вы на свой поезд не опоздаете? Не дай Бог, за дезертира посчитают.

— Небеспокойтесь, господин Сырбу. Следующий эшелон в нужном направлении только завтра утром. Придётся мне злоупотребить вашим гостеприимством.

— У нас дом маленький, удобно ли...

— Я, дорогой хозяин, и на голой земле спал не раз, укрывшись шинелькой.

— Свободна только комната покойника...

— Прекрасно, я не суеверен.

— Боюсь, это не будет удобно...

Маковой отчаянно пытался придумать приличествующий повод выпроводить нежданного гостя. С закатом он хотел выехать через Тараклию в Галац, оттуда в занятый немцами Бузэу, а там и до Бухареста рукой подать. Всё испортила Виорика.

— Господин Сабуров воюет за нашу страну, пока мы сидим в тылу. Ты не можешь выставить его за дверь! — сказала она резко, как никогда не говорила с отцом, и добавила тише: — И он друг Василе.

Маковой, удивлённый и раздосадованный, не нашёлся, что ответить.

— Благодарю за гостеприимство! — с лёгким сарказмом сказал Сабуров, глядя в глаза хозяину. — А где же похоронили моего бедного друга?

— Василе не бедный! — вспыхнула Виорика. — Он погиб, как герой!

— Пойдёмте, господин офицер, — Амалия встала и накинула на плечи платок. — Тут рядом. Похоронили честь по чести, батюшку пригласили: землю освятил, отпел, сорокоуст заказали.

Они вышли все вместе. Начинало смеркаться. Ветер гнал по одеревеневшей земле снежную пыль. Маковой поставил фонарь на смёрзшийся холмик земли под железнодорожной насыпью. Сабуров нагнулся, чтобы рассмотреть необычное надгробье перед неструганым деревянным крестом.

— Надо же, не думал Люба, что для могилы портрет рисует, — грустно сказал Сабуров.

— У господина сублейтенанта в вещах не было ни одной фотографии, — пояснил Маковой, — только этот рисунок.

Они постояли молча перед могилой. Пламя фонаря двоилось в куске оконного стекла, которым нарисованный Василе был прижат к ржавому куску железа. Сабуров, Маковой, Амалия склонили головы. Виорика за их спинами беззвучно глотала слёзы. Постояв немного, тихо ушла в дом. Этого никто не заметил.

Когда они вернулись за стол, Константин попросил ещё один стакан. Он налил в него водки и положил поверх кусочек лепёшки. Виорика озадаченно следила за его движениями, потом в глазах возникло понимание. Она подтянула к себе поминальную стопку и поставила рядом, перед пустым стулом, где раньше сидел Лазареску. Выпили молча.

Смерть Замфира потрясла Сабурова. Пусть знал он румынского сублейтенанта совсем немного, но шапочным такое знакомство не назовёшь. Сперва это было невинное желание со скуки, для смеха напоить чопорного союзника, и в фамильном «друг Вася» не было ровно никакого содержания. Позже юноша поведал ему тайну, которая крепко связала их и наградила Константина непрошенной ответственностью. Как почти всякий человек, Сабуров судил других по законам, которыми жил сам. Для него признание в собственной слабости было жертвой не меньшей, чем девичья невинность, подаренная возлюбленному.

Невольно он вернул долг, признавшись, что боится летать. То страшное падение было ещё свежо в памяти, он страдал от боли, ему впрыскивали обезболивающее, от которого Константин впадал в эйфорический сон, а когда просыпался, страдал ещё сильнее. Один из сослуживцев перед отправлением санитарного эшелона сунул ему флягу с ракией, но она была маленькой, а путь долог. Когда лекарства переставали действовать, Сабуров делал маленький глоток, но он не приносил облегчения.

К платформе Казаклия он дошёл до той степени душевной и физической усталости, когда загнанный олень сам выходит под выстрел охотника. Всё, чего ему хотелось — тихо проехать мимо без лишнего разговора, но Замфир нашёл его сам. В ту встречу их странное братство страха окрепло. Он со своим страхом справился, а Замфир? Константину хотелось узнать подробности, но вести такие расспросы за столом, при Виорике было неудобно.

А Виорика была хороша... Сабуров любовался ей исподволь. В нём жил гениальный художник, не умеющий рисовать. Он подмечал каждую грань совершенства в женском облике и видел, что за ней скрыто, но прекрасные картины оставались лишь в его памяти, так и не увидев свет.

Она была прекрасна исконной бессарабской красотой, где турецкую и молдавскую

кровь разбавила малороссийская: чересчур смуглая кожа османов приобрела восхитительный оттенок свежесжатого оливкового масла, чёрные густые волосы стали мягче и не только волосы. В молдавских девушках было много от жаркого темперамента османок, но не было свойственной тем грубой крикливости.

А глаза... Глаза у молдаванок бывают не только чёрными, как у бывших властителей, но и небесными, травяными, светло-ореховыми, жемчужными. Последние, серые, особенно прекрасны — на милых смуглых личиках они светлы и глубоки, как холодный перламутр. Но главный секрет не в том. Граф Толстой сказал, что глаза — это зеркало души. Бессарабские глаза — закалённые стёкла, за которыми ярко горят их скоротечные жизни. За ними не увидишь потухший очаг или еле тлеющее бревно, присыпанное пеплом, как это часто бывает у северных красавиц.

Задумавшись, Сабуров слишком долго смотрел на Виорику — она почувствовала, подняла голову, и полыхнуло в чёрной глубине пламя, видимое только ему. Константин отвёл взгляд и наткнулся на хмурое лицо Маковей. В его глазах огня не было — холодная тьма винтовочного дула. Ну-ну, чтоб штабс-капитана Сабурова напугать, одного Сырбу мало.

— Дорогая госпожа Амалия обмолвилась, что из Кишинёва вы уехали тринадцать лет назад, — сказал он, улыбаясь в глаза Маковей. — 1903 год... Я всё пытался вспомнить, о чём мне напоминает эта дата. В службе моей авиашколы служил механиком бывший жандармский унтер-офицер из Бессарабии. Как-то на праздновании государева тезоименитства он был изрядно подшофе. Тогда он рассказал про страшную резню, кою учинили кишинёвским евреям некие молодчики. Они врываются в дома и магазины, забирали всё ценное, при том убивали всех, а местный градоначальник, что удивительно, жандармам вмешиваться запретил. Механик тот страшные вещи рассказывал. Иду, говорит, по улице наутро, а вдоль мостовой — мёртвые тела выложены в рядки, прямо возле своих домов — от мала до велика. Ни женщин, ни детей не жалели. Вы, стало быть, тогда чудом спаслись?

— За жидка меня приняли, господин штабс-капитан? — рассмеялся Маковей. — Вы с вашим другом сублейтенантом очень наблюдательны! Он, представьте, думал, что я цыганский колдун! Я! — он ткнул себя пальцем в грудь и потряс им в воздухе. — Шувано?! — Маковей расхохотался ещё пуще.

— Ах, позвольте, так вы не из тех, и а из этих... — со сдержанной улыбкой сказал Сабуров. — Очень любопытно! А как же друг ваш, господин Лазареску? Он ведь несомненно из сынов израилевых, а вы с ним приятельствуете... Как так, господин антисемит?

— У господина Лазареску единственный магазин в округе — аптека, галантерея и бакалея, — ответил тот с наглой ухмылкой, — и газеты выписывает, не надо тратить. Мы, знаете, люди небогатые, каждый бань на счету.

— Полезный еврей, — согласился Сабуров. — Вы очень прагматичны, господин Сырбу. Позвольте задать вам такой вопрос, всегда интересно было: вы ненавидите весь народ, без исключений?

— Любить их, что ли? Хуже цыган! — не скрывая презрения, ответил Маковей. Он налил себе полстакана коньяка и опрокинул в рот.

— И господина Лазареску?

— А чем он лучше? Вы, господин штабс-капитан, за Йосю не беспокойтесь. Пока польза с него есть, жить будет спокойно и счастливо.

— Прекрасно! — с искренним восхищением покачал головой Сабуров. — Знаете, впервые с таким человеком по душам разговариваю. Давайте ещё по одной, за понимание. Мне очень любопытна такая неизбирательность. Вот, к примеру, был у меня в полку ротмистр Мунтяну из вашего родного Кишинёва. Гнида редкостная. Каждый раз, как видел, хотелось ногтём его раздавить. Следует ли, что все его единокровцы, включая вас, таковы же? Или вот вам другой анекдот. Прошлым летом я на фронт ехал в одном эшелоне с сербскими добровольцами. Был там у них парнишка, Моше Левич, из евреев, как можете догадаться. Про него среди сербов легенды ходили. Сорви-голова, задира, смельчак, каких поискать надо — настоящий герой! Сколько ему лет было, не знаю. Только-только на верхней губе редкие усики пробиваться начали. Как думаете, достоин такой «жидок», как вы изволили выразиться, уважения?

— Вы мне проповеди собрались читать? Дурная затея. Чёрного кобеля не отмыть добела. Я таков, какой есть, а вы у меня гость. Или терпите, или убирайтесь вон к Лазареску столоваться. Он вас с распростёртыми объятиями примет, а наутро счётец выпишет за каждую корочку хлеба и перышко в подушке.

— Ну-ну, господин Сырбу, меня счётами не напугать — по всем плачу сполна. Желаєте — и вам заплачу.

Эти слова Сабуров произнёс весело, даже глядя с некой приязнью на хозяина, но тот услышал в них иной смысл. Он плеснул коньяка одному себе и залпом выпил,

пристально глядя в глаза гостю. Тот ответил прямым и твёрдым взглядом. В этой дуэли Маковой был неуклюжим мужиком с дубиной против искусного фехтовальщика. Настала напряжённая тишина, готовая в любой миг взорваться дракой. Сабуров, не отводя глаз, попросил:

— Госпожа Амалия, могу ли я у вас попросить ещё немного этого восхитительного супа?

Амалия, зная, чем может кончиться такое тяжёлое молчание, радостно подскочила и налила гостю новую миску. Маковой с постыдным облегчением отвёл взгляд. Сабуров был сильнее его, Маковой увидел это в глазах штабс-капитана, его голосе, в языке его тела, и речь не о физической силе. Такие люди редко встречались на пути у Маку Сечераторула, и он всегда старался сделать так, чтобы их пути больше не пересекались.

«Как заснёт... — подумал Сырбу, — тихо, ножом, чтобы ни Виорика, ни Амалия не прознали. Когда его найдут, мы будем далеко. Ночью и уедем!»

От этой мысли Маковой повеселел. Он налил себе ещё и на этот раз отдал должное прекрасному и сложному аромату русского коньяка. Не подозревавший о его думках Сабуров с аппетитом поглощал чорбу, иногда весело встряхивая головой.

— Прелюбопытнейший вы персонаж, господин Сырбу, ей-богу! Есть у меня интересец покопаться в вашей жизненной философии, да сейчас не к месту. Вам в России в наше время очень вольготно жилось бы, зря сбежали из Кишинёва. Среди моих соотечественников полным-полно ваших единомышленников. И погромщикам вроде вас в третьем году только пальчиком погрозили. А мне, знаете ли, тревожно. Читаю я газеты, криминальную хронику особенно, смотрю, где какие налёты, — Сырбу вздрогнул, но Сабуров этого не заметил, — покушения, «эксы»... Знаете, что такое «экс»? Нет? Если банда грабит банк или, скажем, ресторан, полный толстосумов, — это разбой. А вот если эта банда при ограблении хором поёт «Интернасьональ» — это уже «экс», дело благородное, во благо освобождения трудового народа. Так вот, смотрю на фамилии всех этих бомбистов, террористов, экспроприаторов и думаю: а не зальёмся ли мы в самое скорое время кровью по уши? Не родит ли действие ваших единомышленников такое противодействие, которого мы уже не переживём?

— Я, господин штабс-капитан, человек простой, политикой не интересуюсь, живу мирно, — ответил Маковой. — А что в прошлом моём было — вас не касается, да и власти ваши не заинтересует. Что до философии моей... Это у вас, господ, есть время философствовать, а мне семью кормить надо. Не допусторожных размышлений.

Коньяк мягко обволакивал его язык. Маковой с тщательностью выговаривал слова, но давалось ему это нелегко. Пережитое ночью нервное возбуждение дало о себе знать. Приятная усталость легла на плечи, он зевнул, выворачивая челюсти и поспешно перекрестил рот, чтобы бес не забрался.

— Ну что ж, не буду мучить вас расспросами, — легко отступился Сабуров.

Он налил хозяевам коньяка, приветливо улыбнулся Амалии, от чего та вспыхнула, смущённо спрятала глаза. Виорика пила молоко, с любопытством поглядывая на Сабурова. Он поймал её взгляд и озадаченно приподнял бровь — интерес девушки к его персоне не был праздным, но значил ли он то, о чём подумал Константин? Он устыдился собственных мыслей. Видно, слишком много в его жизни было лёгких побед в делах амурных, и теперь в каждом женском взоре ему чудится томление. Сабуров встал и поднял кружку:

— Госпожа Виорика! Ваш жених был очень храбрым человеком. Он вёл непримиримую борьбу со своим страхом и победил его, и вы — живое доказательство тому. Смерть во спасение прекрасной девушки — достойная кончина для воина. Вечная память герою! До дна, господа!

В других устах эти слова прозвучали бы пафосно, но Сабуров произнёс их с искренним чувством. Он не забыл, как, прощаясь на платформе, сказал Замфиру о том, что никто не знает, трус он или нет, пока не представится случай проверить свою храбрость. У Василе такой случай наступил. Жаль только, что ему не удалось пожить с ощущением триумфа. Уж Константин-то знал, как меняет жизнь осознание победы над собственной слабостью.

Маковой, запрокинув голову, вылил в рот коньяк, пожевал мокрыми губами, потом поднял палец вверх. Он хотел что-то добавить про покойного, а что именно и было это хорошим или плохим, не вспомнил. Голова отяжелела, её оказалось невозможно держать прямо. Он подумал: «Я дома», — сдвинул в сторону тарелку и уткнулся лбом в сложенные на столе руки. Сабуров удивлённо посмотрел на мощные кулаки Маковой и на недопитую бутылку коньяка. Амалия извиняющимся голосом сказала:

— Вы уж простите его, господин офицер. Всю ночь работал, умаялся. Отведу его спать, а вы отдыхайте.

Она встала и пошатнулась, схватилась за стол, унимая дыхание.

— Позвольте, я вам помогу! — подскочил Сабуров. Он не с первого раза смог приподнять обмякшее тело Маковей. Амалия подхватила с другой стороны. Маковей замычал, попытался поднять косматую голову и уронил её на грудь. Кое-как перебирая ногами, влекомый Сабуровым и Амалией, он добрался до спальни и рухнул в кровать. Жалобно заскрипело рассохшееся дерево. Он пробурчал что-то, зло и невнятно. Константин склонился ниже, поморщился от звериного, мускусного духа, густо исходившего от Сырбу.

— Не смей! — с трудом выговорил тот и всхрипнул.

Амалия, покачиваясь, стояла по другую сторону кровати. Мягкая подушка тянула её к себе с неимоверной силой.

— Вы меня простите... Тоже что-то очень устала... Я постелила вам в комнате Василе... Бельё свежее, — слова давались с большим трудом. Амалия, не в силах больше стоять на ногах, легла на кровать, пробормотала снова: — Простите, — и уснула.

Удивлённый Сабуров вернулся в кухню. Виорика с серьёзным лицом протянула ему пустую кружку.

— Господин Сабуров, налейте мне, пожалуйста, водки, помянуть Василикэ, — попросила она по-русски своим волнующе-нежным, пришепётывающим, мягким говором.

Константин, не думая, взял бутылку в руки, но спохватился.

— А не рано ли вам, милая барышня, горькую пить? — осведомился он.

— Не рано, господин Сабуров. У меня жених погиб за день до свадьбы. Уж как бы не поздно всё было... — и, глядя на его сомнение, добавила жалобно: — Прошу вас... — он налил. Виорика поднесла кружку к носу и поморщилась. — Скажите, а как вас называл Василе? — спросила она.

— Костэл.

— Можно я буду вас так же называть?

Может быть, впервые в своей жизни Сабуров растерялся. Виорика была хороша. Лишь полный профан в любовных делах мог не заметить горящий в ней жар. С той же ясностью он замечал глубокое, истинное горе по погибшему жениху. Мысли путались, и каждый возможный шаг казался ему заведомо бесчестным.

— Мы с Василе пили на брудершафт, — сказал он невпопад.

Виорика подошла к нему вплотную. Он сделал полшага назад, но там были полки с расписными блюдами, и дальнейшее бегство стало бы комичным.

— Я знаю, как это, — сохраняя полнейшую серьёзность, Виорика вложила кружку с водкой в руку Сабурова и просунула свою ручку под локоть. — Давайте!

Боль и мольба были в её глазах, пока губы с лживым задором произносили слова. Не отрывая взгляда, Константин медленно поднёс кружку к губам. Виорика сделала то же самое. Он кивнул, приглашая начать, и опрокинул водку в рот, она огнём обожгла глотку, и сразу ещё более сильный жар опалил его губы. Виорика впилась в них с неумолимостью казачьей лавы, сминаящей врага.

«Да что я, курсистка жеманная, что ли», — мелькнула мысль у Сабурова, и он ответил. Сунул куда-то, не глядя, свою кружку и крепко сжал горячее тело Виорики. Она не закрывала глаз, они были теми же: серьёзными, страдающими, требующими. Не видал он таких глаз никогда прежде и не знал, что с ними делать. Она впивалась глубже, грубее, до боли в саднящих губах. Руки вцепились в щетинистые волосы на затылке. Он тяжело, с усилием, превозмогая и её, и себя, расцепился, оттянул назад её голову.

— Виорика, дорогая, так нельзя.

— А как можно? — спросила она, и опять не было в её голосе ни вызова, ни исступления. Она будто искала одни слова, а находила другие, и под ними был смысл, которого Сабуров не понимал. — Костэл, он мне должен. Они все мне должны!

Она разжала руки и вывернулась из его объятий. Вернулась на своё место. Не нашла свою кружку и взяла кружку матери.

— Налейте, — попросила она, и Константин налил. — За день моего второго рождения! — сказала Виорика. — День, когда ушёл Василе, — Константин сел напротив. — Каким он был, Костэл? — Сабуров задумался. — Каким он был с вами? — Константин хотел ответить, но она его не слушала. — Я же совсем его не понимала. Я была ему нужна... Сильно-сильно была нужна, но он всё время пытался от меня сбежать. Я обнимала его, а он выпутывался. Целовала, а он не смотрел мне в глаза. Почему? Я не красивая? — Константин хотел возразить, но Виорика рукой его остановила. — Я знаю, что я ему не пара. Я была готова на всё: на то, что меня не примут его родители и мне годами придётся терпеть их ненависть, на то, что нас выгонят и мы будем жить в нищете. А он... Он был к этому готов? Василе хотел быть со мной, но боялся всего, что будет дальше. А мне не нужно дальше, мне нужно было сейчас, а он сбежал.

— Вася спас вас.

Лицо Виорики исказила злоба.

— Нет! Не так! Он мог упасть вместе со мной, но он стоял и ждал. Ему умереть было не так страшно, как со мной венчаться.

— Вы ошибаетесь...

— Нет, Костэл, — сказала она с горечью.

Константин уже не рад был, что спрыгнул с поезда в Казаклии. Никогда он не боялся трудностей и со всеми бедами справлялся играючи. Отношения Сабурова с женщинами не бывали долгими, он никогда не давал ложных обещаний, а все собственные похоти пресекал на корню. Слезами брошенных красоток можно было наполнить ванну, угрозы свести счёты с жизнью собрать в солидный фолиант — всё это не весило ровно ничего. Сабуров всегда был честен со своими пассиями, а на женские фантазии мужчина влияния не имеет.

Жизнь ведь и впрямь штука простая, сложности люди со скуки придумывают, а Сабурову скучать не приходилось. За милой головкой почти любой барышни ему виделся уютный альков с мягкими подушками, путь к нему мог быть короток или длинен, пройден или брошен на полпути из-за дорог поинтереснее. Однако в список его интересов никогда не входили жёны друзей, сослуживцев и, уж тем более, вышестоящего начальства. Голова Сабурова всегда была холодной, какой бы страстью ни горели его глаза, а потому принципы удавалось сохранять нерушимыми, а совесть спокойной. До сего дня.

— Дорогая Виорика, — сказал он, тщательно подбирая слова. — Я не так хорошо знаю... знал Васю, как вы думаете. Мы встречались с ним всего два раза. У него были страхи, как у любого живого человека, но он с ними боролся. Может быть, Господь призвал его слишком рано, и ему не хватило времени. Не судите его.

— Не хватило времени... — тихо повторила Виорика. — Вы правы, Костэл. Я знаю, почему и из-за кого, только узнала я об этом слишком поздно. Налейте мне ещё, пожалуйста, и не смотрите неодобрительно — мне сейчас очень нужно. Вы же не отказали бы в глотке воды умирающему от жажды?

С обречённым вздохом он выполнил её просьбу. Виорика сникла. Она задумчиво рассматривала узоры на скатерти и молчала. Молчание затянулось. Сабуров вежливо кашлянул и встал, расправил китель под ремнями.

— Я, если позволите, удалюсь. Госпожа Амалия сказала, что постелила мне в комнате Васи...

— Да, конечно, я покажу.

Виорика поднялась, не глядя на Константина, прошла мимо него в прихожую. Она нерешительно взялась за ручку двери слева, за спальней, из которой раздавался трубный храп Маковей. В свете, падавшем из кухни, слабо блеснули слёзы на её щеке. Виорика распахнула дверь и отвернулась.

— Спокойной ночи, Костэл. Он умер не здесь, призраки вас не потревожат.

Она ушла к себе, в комнату напротив. Сабуров со странной смесью облегчения и сожаления разделся и лёг на пышную перину. Он смотрел в потолок, на трещины, едва видимые в отражённом свете луны, слушал звуки старого дома. Бельё пахло морозом и лавандой, такой же лавандой пахли волосы Виорики. Через стену и две двери рулады Маковей были едва слышны. Потрескивало, рассыхаясь, дерево, тикали настенные часы. Время шло, а сон нет.

Константин облизал губы, на них оставался вкус её кожи. Невеста, так и не ставшая ни женой, ни вдовой его чудаковатого друга... Друга, с которым он и на самом деле виделся лишь дважды. Друга, который не надел невесте кольцо на палец и бросил её в шаг от брачного ложа... Будет ли бесчестной для Константина связь с Виорикой?

Стрелки отмеряют время, как костяшками на счётах щёлкают: «кляц-кляц». Тишина. Не скрипят, распрямляясь, пружины, не потрескивают под девичьей ножкой половицы. Не о чем думать: Виорика спит давно и видит во сне то, чего не будет уже наяву. «Оно и к лучшему», — подумал Сабуров и закрыл глаза. Завтра он уедет на Северо-Западный фронт, под Ревель. Вместо волооких южанок будут тонкогубые курындские красотики с прозрачными глазами, и Виорика забудется.

Виорика не хотела отпускать его мысли. Она предстала перед ним в ночной сорочке: юная, взволнованная... Константин отвернулся к стенке. Нет-нет-нет, не надо об этом думать. Эшелон, новый аэроплан, финляндская аквавита, латышки с прозрачным, как их глаза, пушком на загривках... Пахнуло лавандой, лёгкий ветерок от сброшенной ткани совершенно бесшумно коснулся его уха. Константин обернулся. Перед его кроватью стояла она. Совершенно обнажённая, почти невидимая, она казалась прекрасной мраморной статуей в закрытом на ночь Летнем саду, но это видение сразу рассеялось, когда Виорика склонилась над ним и поцеловала в губы, густые волосы легли на грудь Сабурова. Он сделал жалкую попытку, заранее зная, что она обречена

на неудачу, отстранился, удержал Виорику за плечи — будто сухо кивнул покойному жениху, а невеста страстно тянулась к его губам, но глаза смотрели грустно и серьёзно.

— Мне это нужно, Костёл, — сказала она. — Я должна знать...

— Ваши родители могут проснуться.

— Они не проснутся до утра, даже если дом рухнет.

Он хотел что-то ещё сказать, чтобы остановить, не дать ей сейчас, в горестном отчаянии сменить золото на медь, но она закрыла его рот мягкой лавандовой ладошкой и попросила:

— Ничего не говорите, пожалуйста!

* * *

Один раз гулко ударили часы на кухне. Луна уже перевалила через козырёк крыши, и полоса неверного света тянулась до дальней стены через смятые простыни. В тени тихо и сдавленно всхлинула Виорика. Сабуров встал и ушёл на кухню, не заботясь больше ни о шуме, ни о приличиях. Сердце липко билось в рёбра, кулаки хотели драки, тело — боли, искупления, но его шаги, звон стекла так и остались единственными звуками в доме. Константин прошёл мимо тихой спальни хозяев с двумя кружками и тарелкой резаной домашней колбасы, в комнате Замфира склонился над темнотой под окном.

— Хотите водки? — спросил он.

В лунном свете появилась дрожащая рука и приняла кружку. Сабуров сел, опершись о стену под окном, и почувствовал, как её тонкое, вздёргивающееся от сдерживаемых рыданий плечико коснулось его плеча. Ему захотелось обнять Виорику, с совершенно отеческой нежностью погладить её по голове, прошептать что-то утешающее, но верным внутренним чувством он знал, что не стоит этого делать.

— Всё зря? — с тихой дрожью спросила она.

— Да, — просто ответил Константин и запил водкой горечь от этого короткого слова. — Вы так сильно его любили? — Виорика, не ответив, уткнулась носом в его грудь.

— Тогда не ищите, не пытайтесь, пока не устанете тосковать.

— Василе отец убил, — через плечи перетянуло холодным сквозняком. Виорика заговорила, зашевелились губы, тревожа горячим дыханием волоски на его груди. — Я случайно услышала. Он каждый день подливал Василе в ракию морфий.

— Зачем?

Она зябко передёрнула плечиками.

— Не знаю. Чтоб послушным был.

— Для послушания делать зятя морфинистом? Ну и нравы у вас тут...

— Василе дурной был по утрам, его тошнило. Я думала, это нервы, а оказалось, отец его травил.

— Пойдите, так вы родителям в питьё подмешали морфий сегодня?

Виорика согласно тряхнула головой.

— В коньяк, когда вы у могилы стояли.

— Да вы, сударыня, опасная злодейка.

— Вам, сударь, опасаться нечего, — в тон ему ответила Виорика. — Я иногда думаю: если б не морфий, Василе мог упасть вместе со мной и спастись. Потом вспоминаю его... Как стоял, как щурился, как напряглась его шея. Он ждал удар и улыбался. Это не морфий, он хотел умереть. Почему?

— Иногда кое-кому кажется, что это самое простое решение. Значит, ваш отец не виноват.

— Это он убил Василе, — упрямо повторила Виорика, — затравил его этой дурацкой свадьбой.

— Зачем ему это?

— Наследство. У Василе в Бухаресте погибли родители, но отец ему не сказал. Господин Замфир был очень богатым человеком. Всё его богатство должно было достаться его единственному сыну. Василе погиб до свадьбы, и теперь старый дурак остался с носом.

— А вы не жалеете об утраченном богатстве?

— Знаете, о чём я жалею? — Виорика повернулась к нему и сказала с горечью: — Об утраченном времени. О том, что Василик постоянно сомневался. Он всего боялся: сказать, сделать, коснуться. Чуть что — прятался в свою раковину. Я бы пошла за ним куда угодно, хоть и на фронт, а он бродил вокруг своего пригорка, как телок на привязи, и даже не пытался освободиться. Я бы пошла, только он сам никуда не шёл.

— Может, надо было об этом ему сказать?

— Ничего б не изменилось. За своё надо драться, а он умел только уступать. У зверей такие детёныши не выживают, такой закон. Он и жизнь свою уступил, чтобы не бороться. Вы совсем не такой. Жаль, что я не полюбила вас.

— Не жалеите, прекрасная Виорика, — усмехнулся Сабуров. — От моей любви одни слёзы да нервные расстройства.

Она положила голову ему на плечо, прижалась всем телом. Хоть всем мужским естественным Сабурова тянуло к ней, он лишь поцеловал её в макушку. Бесконечно долго он лежал, слушая её тёплое дыхание, и думал о вещах как можно более далёких от нежного девичьего тела, прижавшегося к его боку. Когда в окошке начало понемногу светлеть, сон сморил и его.

Казалось, только задремал, а уже кто-то схватил за плечо. Срочный вылет? По аэродрому из пушек палат? Что ж ты трясешь так, шельма?! Сабуров сел, зябко передёрнул плечами — остатки сна растаяли без следа, а сон был весьма приятен. Он открыл глаза, но вместо денщика увидел милое, но очень взволнованное личико Виорики с прижатым к губам пальчиком.

— Костэл, бегите: отец проснулся.

В прихожей прогибались от тяжёлых шагов половицы, послышался тихий стон, заплескалась вода в бадье. Виорика на цыпочках, не дыша, подставила стул спинкой под ручку двери.

— В окно, — шепнула она, склонившись к лицу Константина, — и бегите как можно быстрее. Он вас убьёт.

Послышались шаги, всё ближе. Скрипнули петли. Сабуров ждал проклятий, но в прихожей было тихо.

— Моя спальня... — Виорика в панике посмотрела на Константина. — Нам конец, — тот, стараясь не шуметь, схватил револьвер. — Не смейте! — Виорика в ужасе затрясла головой. — Он мой отец.

Она на цыпочках подошла к окну и медленно вытянула щеколку. Переставила горшок с засохшей фиалкой на тумбочку. Половица скрипнула у самого порога их комнаты. Слышно было, как Маковой взялся за ручку двери и надавил. Затрещало дерево, но нажим был не силен, хлипкая задвижка на этот раз выдержала. По всему выходило, что хозяин старался не шуметь, и от этого стало особенно тревожно.

— За ружьём пошёл... — Виорика сгребла форму Сабурова в охалку и сунула ему в руки. — Бегите, умоляю! — простонала она и толкнула его к окну.

Константин открыл створки окна и остановился нерешительно.

— Я не могу вас бросить... — сказал он, и Виорика ударила его кулаками в грудь.

— Убирайся! — зло выдохнула она ему в лицо. — Уходи! Сейчас же!

Не таясь больше, она заколотила по его груди, плечам, спине. Совершенно обескураженный, Сабуров перелез через подоконник.

— Саквояж! — спохватился он.

Виорика сунула ему саквояж, он зажал зубами ремни кобуры и схватил его, но так и не сдвинулся с места. Константин стоял за окном точь-в-точь, как Замфир стоял над ней перед гибелью. В одних кальсонах, босой, на зимнем ветру — стоял и медлил, будто ждал, пока выскочит Маковой и всадит ему пулю. Сильный удар сорвал задвижку, стул с визгом сдвинулся и упёрся в тяжёлый комод. Надолго он Маковоя не удержал бы: ещё один, ну два удара, и Сырбу ворвётся в спальню. Виорика схватила горшок, посыпались на пол жухлые листья. Она замахнулась, будто бросит его сейчас в голову Сабурову. Тот инстинктивно присел и бросился бежать.

Маковой не стал доламывать дверь. Он выскочил на крыльцо, упал на колено, не обращая внимания на боль, вскинул винтовку к плечу.

— Беги, Костэл! — закричала Виорика.

Маковой недовольно зыркнул на дочь и прицелился. Он повёл стволом за улепётывающим во все лопатки Сабуровым. Тот, почуввав опасность, заметался из стороны в сторону. Виорика увидела довольную ухмылку на лице отца, движение пальца, выбирающего свободный ход спускового крючка. С воплем отчаяния она метнула горшок, который так и держала в руках, в голову Маковоя. Тот едва отклонился и выстрелил или выстрелил и отклонился. Всё произошло настолько быстро, что Виорика не поняла. Глиняный снаряд, едва задев кудрявый затылок Маковоя, врезался в стойку крыльца и разлетелся на осколки. Боясь увидеть самое страшное, Виорика повернула голову. Сабуров лежал ничком, раскинув руки.

— Не-ет! — закричала она и увидела торжествующее, злое лицо Маковоя прямо перед собой. Он схватил дочь за волосы и потянул к себе, через подоконник. За его спиной на мёрзлой земле лежал Костэл, вокруг валялась одежда. Налетел ветер, подхватил его белую, тончайшего шёлка, рубаху и погнал в сторону Северо-Западного фронта. Виорика попыталась дерзко улыбнуться, но глаза жгли слёзы, размывая и ненавистный образ отца, и светлый крест упавшего Сабурова. На чёрном поле, скупо присыпанном снежной пудрой, он казался таким же худым и нескладным, как её Василе.

— Ненавижу! — слабо простонала она, сил на большее не оставалось, а Маковой

гнул её и гнул неторопливо, тянул её голову к подоконнику, как к плахе. Виорика впервые узнала, какая мощь кроется в отцовских руках.

* * *

Сабуров бежал и не мог себе простить этого позорного бегства. Он всё время оглядывался на перепуганную девушку в окне. Босые ноги, непривычные к твёрдой земле, саднили, ему нестерпимо хотелось остановиться, натянуть китель, чтоб укрыться от пронизывающего холодного ветра, но Маковей на крыльце уже целил в него, и Константин ничего не оставалось, как прыгать из стороны в сторону, будто зайцу, убегающему от охотников.

Всё это было ему не по душе. Он бы предпочёл остаться в доме, разъясниться с Маковеем, защитить Виорику, но она не дала ему ни времени, ни возможности взять ситуацию в свои руки, а теперь поздно. Оставалось или самоубийственно принять заслуженную пулю, или уносить ноги. Раздался выстрел. Инстинкт сработал раньше, чем появились какие-либо мысли в голове. Сабуров отпрыгнул, огнём опалило бок, и он кубарем полетел на землю, теряя вещи. Некстати подвернувшийся камень врезался в лоб, и Константин потерял сознание.

Когда открыл глаза, было тихо, под щекой — холодная, липкая земля. Перед его глазами на мёрзлой кочке, на чёрных курячьих лапах стоял ворон. Блестящим глазом он с любопытством оглядывал свой обед. Сабуров неуклюже махнул рукой, и, с возмущённым карканьем, падальщик отпрыгнул в сторону. Константин подтянул одну ногу, другую. После удара он не сразу вспомнил, как оказался раздетым посреди голого поля, а вспомнив, схватил выпавшую из зубов кобуру и обернулся к домику Сырбу. Маковей стоял перед окном Виорики, широко расставив ноги, и тянул её за волосы. Винтовку он прислонил к стене под рукой: одно мгновение, и Маковей снова будет готов стрелять. Сабуров достал револьвер и взвёл курок.

Он взял на мушку косматую голову, опустил ствол ниже, на его широкую спину. Ствол ошутимо дрожал. Канун Рождества в Гагаузии выдался необычайно холодным. Морозный ветер сводил судорогой мышцы. Кровь из разбитого лба продолжала течь, стягивая лицо лаковой маской и сочась сквозь брови. Сабуров левой рукой вытер глаза, поддёр окровавленную ладонью рукоять, выдохнул в попытке унять дрожь и выстрелил. Маковей дёрнулся, живой и невредимый, вскинул винтовку, забыв ненадолго о Виорике. Грянул залп, и Константин побежал — что ему ещё оставалось делать?

«Господи, помоги ей!» — молился он, отталкиваясь израненными ногами от замороженной земли. В последний момент перед выстрелом он видел, как Виорика бросилась к двери. Сзади благовестным хором запел паровозный гудок, Константин вытер кровь с глаз и свернул к рельсам. Раздался выстрел, но его в том месте уже не было. Пронёсся мимо паровоз, обдал Сабурова спасительным жаром, полетели, замедляясь, вагоны — эшелон полез на взгорок перед Тараклией. Сабуров бежал, размахивая револьвером. В окнах было пусто, двери тамбуров закрыты. Вот и последний вагон проехал мимо.

На задней площадке курил папироску офицер в российской пехотной форме. Константин прибавил ходу из последних сил. Офицер удивлённо посмотрел на него и присел на корточки. Ни кричать, ни говорить Сабуров не мог. Раздался ещё один выстрел, и офицер изменился в лице. Он повис над убегающими рельсами, держась за перила, и, схватив протянутую руку Константина, втянул его. Сабуров с облегчением упал на холодный металл площадки.

— Вы в порядке? — беспокоивно осведомился его спаситель по-французски.

Сабуров, тяжело дыша, встал.

— Штабс-капитан Сабуров, специальный авиаотряд Шестой армии. Я ваш должник, ротмистр.

Офицер с иронией осмотрел задыхающегося полуголого незнакомца с залитым кровью лицом и револьвером в руке, и сказал:

— Идёмте, штабс-капитан, примерьте нашу форму, не тот климат, чтоб в подштанниках щеголять.

Ротмистр открыл дверь в вагон. Тепло пахло кожей, разогретым титановым боксом и вездесущим креозотом. Горячка бегства под пулями схлынула, и Константин понял, как сильно, до самых костей он промёрз — что туша на крюке в мясном ряду. Заныл распоротый бок, полыхнули огнём сбитые ступни. Сабуров виновато оглянулся на исчезающий вдали синий домик и шагнул в обтрёпанный уют мобилизованного пультмана.

— Мищенко! — рявкнул с порога ротмистр. — Приведи доктора. Савелий! Неси горячей воды и достань чистое бельё. Сабуров, оставьте вы револьвер, никто в вас уже не стреляет...

Константин опустился на сиденье. В купе заглядывали любопытные лица. Какой-то унтер поставил перед ним горячий чай в подстаканнике. Тепло постепенно, одну за другой, расслабляло судорожно сведённые мышцы, шумело в ушах, бережно покачивало Сабурова на мягких кожаных подушках.

«Не убьёт же он свою дочь...» — подумал Константин, перед тем как провалиться в небытие.

* * *

Маковой положил ещё одну пулю, и снова мимо. Он видел, как Сабурова втянули на подножку последнего эшелона. Мерзавец ушёл живым, хоть трижды мог сдохнуть. В обычное время Маку его не упустил бы, но сейчас руки дрожали, в глазах двоилось. Вначале он винил в этом русский коньяк, но быстро догадался, что дочь опоила их морфием, так же как он опаивал её несчастного жениха. Злость от этого открытия отчего-то мешалась с гордостью. Он опустил винтовку и тяжело встал. Падая на колени, Маку разбередил старую рану, и штанина прилипла к ноге, залитой мгновенно остывающей кровью.

Он вошёл в дом. Спальни Замфира и дочери были пусты. В открытой двери кухни — неубранный стол с почти пустой бутылкой «Шустова» по центру. Дверь в их с Амалией спальню была закрыта. Он поднажал плечом, затрещал косяк.

— Не входи! — услышал он дрожащий, но решительный голос жены.

— Не дури, Малица, открой!

— Маковой! У меня ружьё! Войдёшь — я выстрелю!

— Малька, не сходи с ума! — Маковой прислушался, в спальне было тихо. Скорей всего, Виорика прячется за кроватью, а Амалия стоит перед ней, направив ствол ему в грудь. — Ладно, ухожу! — сказал он. — На конюшню пойду коня запрягать. Собирайтесь, ехать пора.

Он отошёл к выходу на крыльцо. Никаких звуков из спальни не доносилось. Крадучись, он обошёл дом и заглянул в окно спальни. Виорику видно не было, зато он сразу заметил растрёпанный затылок Амалии. Взяв его на мушку, он легонько стукнул дулом в оконное стекло. Жена испуганно обернулась.

— Ружьё опусти, я выстрелю раньше, — крикнул он. Амалия повиновалась. — Теперь открой окно и медленно передай его мне. Дверь под прицелом! — рявкнул он, скорей почувствовав, чем заметив какое-то движение, — не опуская винтовку, Маковой принял ружьё и бросил на землю, а потом совершенно нормальным голосом, без угрожающих ноток, сказал: — Ну вы совсем сдурели обе? Устроили шапито! Малька, я тебя хоть раз в жизни пальцем тронул? А Виорицу?

Амалия недоверчиво посмотрела ему в глаза, и он спокойно принял её взгляд.

— Ты убил этого офицера? — спросила она.

— Не попал! На поезде уехал любовничек ваш.

— Врёшь! — появилось в окне сердитое лицо Виорики.

— Ну выйди посмотри. Поле голое. Прикопать его я не успел бы. Мог в нужнике утопить, — ухмыльнулся тут Маковой. — Самое ему там место. Проверить не хочешь?

— А со мной что сделаешь? — с вызовом спросила Виорика.

— Живьём сожру, если немедленно не накормишь отца завтраком!

Маковой сидел за кухонным столом, задумчиво барабанил пальцами по скатерти, будто и не было наркотического сна, дочкиного грехопадения, утренней перестрелки. Женщины суетились, украдкой поглядывая на молчаливого Сырбу. Сразу после завтрака в тишине и молчании Маковой ушёл запрягать першерона в телегу. Амалия носилась по дому, пакуя тюки с вещами. Виорика помогала ей вначале, потом незаметно исчезла. Мать махнула рукой: дочка столько пережила, пусть побудет одна.

Маковой нашёл Виорику в спальне Замфира на сброшенной под окно перине. Дочь лежала, глядя в потолок и поглаживала живот. Она вспоминала прошлую ночь и пыталась в своих мыслях заменить Костэла на Василе, но ничего не получалось — всё было не так. Она понимала это и жалела о том, что сделала. Потом вспоминала ярость на лице Маковей и довольно улыбалась. Нет, не зря. Всё не зря. Виорика отомстила за гвозди в оконной раме, за морфий в ракии, за унижения и издевательства, которым подвергал отец её Василе, за гибель любимого. Жалко, слабо, но отомстила, как могла. Пробыла дубовую кожу. Маковой понял движение дочкиной руки иначе и накрыл её ладонью.

— Убить меня хочешь? — со слабой улыбкой спросила Виорика.

— Хотел немного, — ответил Маковой. — Но всё равно б не смог. Я тебя очень люблю.

— А я тебя ненавижу.

— Это ничего. Ты, главное, береги маленького Замфирчика. Вы, бабы — ведьмы, новую жизнь сразу чувствуете. Оттого ты улыбаешься?

— Чему радоваться? Байстрюка растить? Сброшу его, ещё не хватало.
— Не вздумай, дочка. Едем в Бухарест забирать наследство. Будет Замфирчик расти в шелках и золоте.
— Какое наследство, пап? Свадьбы не было.
— Не было? — притворно удивился Маковой. — А мне казалось, была... Подожди-ка, подожди-ка... — он рассеянно зашарил по карманам и вытащил какую-то бумагу.
— Ну как же не было? Вот и венчальное свидетельство есть.
Виорика села, недоверчиво разглядывая бумагу, на свет посмотрела — гербовые знаки были на месте.
— Подложное? — спросила она.
— Самое настоящее, — заверил её Маковой. — Собственной рукой отца Софрония писанное и в приходской книге соответственно подтверждённое.
Виорика протянула ему свидетельство, и он бережно сунул его за пазуху.
— Никогда не сдаёшься?
— Куда сдаваться, пока вы у меня есть?
— Господи, как же я тебя ненавижу! — Виорика со стоном откинулась на подушки.
— Пойдём, дочка, — Маковой, крихтя, встал. — Пора в дорогу.

* * *

Утром следующего дня войсковой эшелон свернул не на ту ветку. Машинист, который знал весь маршрут, как пять своих чумазых пальцев, сразу это заметил и остановил поезд. Вместе с кочегаром, начальником поезда и парой любопытствующих офицеров они вернулись к стрелке, потом осмотрели домик обходчика. Во дворе паслись куры, бегал спущенный с цепи пёс. Открытая конюшня была пуста, пол усыпан осколками, на одном из них машинист заметил аптечную этикетку с надписью «Morphium». В доме — ни души, лишь беспорядок, свидетельствующий о спешных сборах. На буфете — недопитая бутылка коньяка.

— Неплохо живут стрелочники в нашем королевстве, — с ехидцей заметил начальник поезда, понюхав горлышко и поставил бутылку на место.

Они осмотрели другие комнаты. В одной из спален на полу валялся разломанный телеграфный аппарат Морзе. Шкафы повсюду были пусты, ящики комодов выдвинуты — по всему выходило, что возвращаться хозяева не собирались.

— Господин лейтенант, не сочтите за труд отрядить кочегара с красным флажком к стрелке, — попросил начальник поезда одного из сопровождающих офицеров. — И отправьте помощника машиниста в ближайшую деревню. Пусть реквизирует лошадь и скачет в Тараклию. Надо срочно сообщить об этом происшествии. Пойдёмте, господа! Здесь нам больше делать нечего.

Они пошли к выходу, а один из офицеров подотстал, прошмыгнул в кухню и воровито сунул за пазуху недопитую бутылку коньяка. Спать он этой ночью будет крепко.

Могила с карандашным рисунком под стеклом миновали, равнодушно скользнув взглядом. Из вагонов выпрыгивали солдаты, радуясь неожиданной задержке по пути на фронт. Крест, торчащий из невысокого холмика, никто не замечал — слишком много таких крестов сейчас по всей Румынии. Солдаты подкуривали друг у друга папироски, травили байки, разводили руки, хвастаясь размерами не попавшего в них снаряда, как до войны хвастались пойманной рыбой. Впереди у каждого из них была целая жизнь, а долгая или короткая — кто знает. Не это ли неведение — драгоценнейший дар каждому из живущих?